

Сейчас, когда два фундаментализма – религиозный и атеистический – схлестываются в непримиримой борьбе, абсолютно не слыша друг друга (на то они и фундаментализмы), и распространяют далеко вокруг волны ненависти и мракобесия, часто приводящие к открытым конфликтам, книга Каннингема особенно актуальна. Высочайший научный уровень и блестящий стиль делают ее необходимым чтением для любого человека, интересующегося соотношением эволюционного и религиозного мировоззрений, которые, конечно же, ничуть не противоречат друг другу.

Алексей Бодров, ректор ББИ

В своей решительной атаке на ультрадарвинизм Ричарда Докинза и Дэниела Деннета Конор Каннингем дерется всерьез и не жалеет противника. Но это не какая-то антиэволюционная диатриба. Ведь Каннингем столь же беспощаден и в своей критике современного креационизма, который он вполне справедливо характеризует как отступление от христианской ортодоксии. Перед нами работа редкой интеллектуальной глубины, опирающаяся как на обширную богословскую эрудицию, так и на серьезное изучение новейших достижений генетики.

*Джон Хедли Брук, Оксфордский университет,
автор книги «Наука и религия: историческая перспектива»*

Мощный и ясный ум Каннингема проливает яркий свет на проблему, которую слишком часто скрывали от нас облака предрассудков, идеологии и полемики. Это просто великолепная книга!

Дэвид Бентли Харт, автор книги «Красота бесконечного»

Со времен Дарвина материалистические истолкователи природы используют эволюционную биологию как оружие в войне с религиозной верой и богословием. В этом чрезвычайно своевременном и глубоком исследовании Конор Каннингем демонстрирует внутреннюю непоследовательность эволюционистского материализма. Автор делает свое дело основательно, беспощадно и весело. В то же время он показывает, каким образом богословское видение мира способно сообщить новый убедительный смысл той захватывающей картине жизни, которую создал Дарвин. Настоятельно рекомендуем.

Джон Хот, автор книги «Бог после Дарвина»

Блестящая и просвещающая книга! Особенно важна для диалога между наукой, религией и культурой.

Архиепископ Юзеф Жичинский, автор книги «Бог и творение»

Докинз и компания не имеют ни малейшего понятия о том, что такое религия, и как она «работает». А потому книга Каннингема представляет собой обязательное чтение для каждого, кто всерьез интересуется этим вопросом: совершенно не пытаясь отрицать научную убедительность дарвинизма, она выявляет его ограниченность в понимании не только религии, но и человеческого удела вообще. В наше смутное и бесплодное время подобная книга так же необходима, как простой домашний хлеб.

Славой Жижек, Люблянский университет

Книга Каннингема просто великолепна – ни больше, ни меньше. Время от времени Промысел Божий буквально в последний момент посылает нам во спасение какую-то книгу, и «Благочестивая идея Дарвина» принадлежит, вероятно, к числу таких книг.

Эндрю Девисон, The Church Times

Эта широкая по своему тематическому охвату и основанная на блестящей эрудиции книга представляет собой чрезвычайно важный вклад в нынешние дискуссии об истинном смысле и значении эволюционной теории. ... Каннингем выступает одновременно со строго рациональным обоснованием и со страстной защитой *via media* между крайностями фундаменталистской религии и догматического сциентизма. Его книгу должен прочесть каждый, кого тревожит интеллектуальное здоровье современного публичного дискурса о тех предметах, которые сильнее всего влияют на настоящее и будущее нашего биологического вида.

Э. Дж. Лоу, Даремский университет

Кенор Каннингем не просто разъясняет позиции обеих сторон в споре дарвинизма и религии; он также показывает, что эволюция вовсе не приводит к расколдованию мира и человека. Напротив, эволюция открывает их истинную, внутреннюю ценность. В своей удивительно прозрачной и яркой прозе Каннингем описывает научную подоплеку спора, его историю и значение терминов, используемых его участниками. ... Авторитетная работа, основанная на поразительно широком круге научных, философских и богословских источников, как современных, так и классических.

Роберт Соколовски, Католический университет Америки

Превосходная книга! Чрезвычайно содержательная и доступно написанная, она не затруднит читателей-неспециалистов благодаря, главным образом, простым и красивым примерам, историям и цитатам, которые использует Каннингем. Добавим, что его интерпретация генетической науки безупречна. Я сам многое почерпнул из этой книги!

Мишель Моранж, автор «Истории молекулярной биологии»

Кенор Каннингем создал себе репутацию оригинальной и глубокомысленной книгой «Генеалогия нигилизма». В последние годы горстка атеистов «из песочницы», новых медиазвезд, прибегает к Дарвину и эволюции для защиты своих позиций. В этой блистательной, но и строго научной книге Каннингем рассматривает философские измерения и богословские смыслы эволюционной теории, и потому каждый, кто хотел бы поднять эту дискуссию на подобающий ей уровень интеллектуальной сложности, обязан прочесть Каннингема.

Кеннет Сурин, Университет Дьюка

Работа, которая ошеломляет научной эрудицией и глубиной критического анализа.

Луи Дюпфе, Йельский университет

Перед нами напряженная схватка, философская и богословская, с дарвинистской наукой. Избегая заезженных примитивных штампов о конфликте между «прогрессивной» наукой и «закоснелой в своих предрассудках» верой, Каннингем показывает, каким образом ресурсы христианской традиции позволяют вести конструктивный диалог с эволюционной теорией. Смелый, глубокий и богатый идеями анализ темы.

Дэвид Фергюсон, Эдинбургский университет

В последние два десятилетия мы стали свидетелями прискорбной и безнадежно поляризованной конфронтации между христианами-буквалистами и ультрадарвинистами столь же фундаменталистского толка. Дарвин пришел бы от нее в ужас. И вот, наконец, появляется книга, восхитительная по своему здравому смыслу, автор которой изящно демонстрирует искусственность конфликта, истошающего обе стороны.

Иэн Тамтерсол,

Американский музей естественной истории, Нью-Йорк

Опираясь на богатый материал науки, богословия и современной культуры, Каннингем в своем монументальном труде выступает страстным защитником богословской истины дарвиновской эволюции.

Майкл С. Норткотт, Нью Колледж, Эдинбургский университет

Написано удивительно сильным, прямо-таки завораживающим слогом. ... Сражаясь со своими оппонентами, Каннингем сохраняет к ним надлежащее почтительное уважение, порой не чуждое тонкого юмора. Выдающийся вклад в современные дискуссии на эти темы, который можно только приветствовать.

Уильям Десмонд, Лёвенский университет

Каннингем не побоялся снять с материализма онтологические штанишки и задать добрую порку. В первых четырех главах он с неослабной энергией атакует научные и философские взгляды Докинза и ему подобных. Осведомленность автора в сложнейших проблемах естественных наук потрясающая для богослова; он много читал и глубоко мыслил, и его познаний оказалось более чем достаточно, чтобы разнести в пух и прах Докинзовы басни и метафоры, притом относящиеся не только к религии, но и к самой эволюционной биологии.

Quarterly Review of Biology

Труд необычайной междисциплинарной широты, охватывающий биологию, таинства и богословие творения. ... Представлен в очень доступном и увлекательном стиле с иллюстрациями из популярной культуры.

Трейси Роуланд, Университет Иоанна Павла II, Мельбурн

Тем, кто полагает, будто богословы не способны ничему научить естественников, следовало бы вначале беспристрастно выслушать богословов, и эти люди, пожалуй, смогли бы узнать что-то полезное – возможно, даже о самих естественных науках.

Джастин Баррет, Оксфордский университет

Каннингем ярко и убедительно доказывает, что новый атеизм не опирается ни на подлинную науку, ни на что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее религию, ибо то, что подобная публика принимает за науку, есть по большей части дурная метафизика – а она в принципе не может быть наукой.

Дэвид Динью, автор «Эволюционирующего дарвинизма»

Войти в мир напыщенного пустословия и методично преобразовать его в осмысленный разговор – задача не из легких. Конор Каннингем вполне заслужил подобную похвалу своим беспристрастным и тщательным анализом самых основательных аргументов, выдвинутых каждой из сторон, участвовавших в этой дискуссии.

Дэн Робинсон, Оксфордский университет

В своем *magnus opus* Каннингем осуществляет последовательную критику ультрадарвинизма и редукционистского материализма, выявляя их внутренние саморазрушающие противоречия. ... Разоблачив превращение этих наук в сциентизм, Каннингем принимает, как необходимое дополнение к естественным наукам, глубоко христианский взгляд на творение, на природу и человеческую жизнь, просветленные встречей с Христом. Дерзкая, захватывающая и стимулирующая мысль работа.

Холмс Ролстон III,
Государственный университет Колорадо

DARWIN'S PIOUS IDEA

Why the Ultra-Darwinists and Creationists
Both Get It Wrong

Conor Cunningham

WILLIAM B. EERDMANS PUBLISHING COMPANY

GRAND RAPIDS, MICHIGAN/CAMBRIDGE, U.K.

БОГОСЛОВИЕ И НАУКА

КОНОР КАННИНГЕМ

БЛАГОЧЕСТИВАЯ
ИДЕЯ ДАРВИНА

ПОЧЕМУ И УЛЬТРАДАРВИНИСТЫ,
И КРЕАЦИОНИСТЫ ЕЕ НЕ ПОНЯЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 20.1
УДК 215
К 196

Перевод: Алексей Васильев
Редактор: Алексей Гоманьков

Данный перевод книги Conor Cunningham,
Darwin's Pious Idea. Why the Ultra-Darwinists and Creationists
Both Get It Wrong публикуется с согласия издательства
William B. Eerdmans Publishing Company,
Grand Rapids, Michigan.

Каннингем Конор

Благочестивая идея Дарвина. Почему и ультрадарвинисты, и креационисты ее не поняли / Пер. с англ. (Серия «Богословие и наука»). – М.: Издательство ББИ, 2018. – 604 с.

ISBN 978-5-89647-346-6

Атеисты и люди религиозные нередко заводят одну и ту же песню: дарвиновская эволюция, твердят они, грозит уничтожить религию в самом ее основании. Конор Каннингем показывает, что все это бесконечно далеко от истины, что атеисты и религиозные фундаменталисты неверно истолковывают теорию Дарвина. Более того, он подходит к этой теории таким образом, чтобы с ясностью продемонстрировать: она не только не противоречит ни религии вообще, ни христианству в частности, но приносит огромную пользу христианской религии. А значит, отнюдь не являясь «опасной идеей», теория эволюции оказывается «благочестивой идеей».

Верстка: Татьяна Дурнова
Обложка: Антон Бизяев

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Conor Cunningham, 2010
© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2018
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	ix
<i>Благодарности</i>	xiii
<i>Введение</i>	xvii
Глава 1	
ВВЕДЕНИЕ В ДАРВИНИЗМ – ОБЩЕПРИНЯТЫЙ ВЗГЛЯД; РАСКОЛДОВАНИЕ	1
Глава 2	
ЕДИНИЦЫ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ.....	31
Глава 3	
НЕЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР.....	99
Глава 4	
ОЗНАЧАЕТ ЛИ ЭВОЛЮЦИЯ ПРОГРЕСС?.....	165
Глава 5	
МАТЕРИЯ ВЫШЕ ДУХА: «НОВОГО ВРЕМЕНИ НЕ БЫЛО»	225
Глава 6	
НАТУРАЛИЗАЦИЯ НАТУРАЛИЗМА: ПРИЗРАКИ МАТЕРИАЛИЗМА.....	329

Глава 7	
Иная жизнь: «Мы никогда не были средневековыми людьми»	465
<i>Послесловие к русскому изданию</i>	519
<i>Указатель</i>	567
<i>Цитируемые издания, доступные на русском языке</i>	578

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Науку – обыкновенно этим занимаются не самые даровитые из ее эпигонов – используют порой как оружие против религии. Вопиющая дерзость этой уловки поражает, а от жульнического «перевода стрелок» и вовсе захватывает дух (как и в случае с теорией «разумного замысла», еще одной приземленной попыткой увести наш ум в сторону). И это потому, что наука, пусть даже косвенным образом и вне связи с чисто профессиональной проблематикой, указывает нам на совершенную невозможность открытого атеизма. Наука – один из великих и бесконечных вопросительных знаков, тогда как метафизика – великий вопрос вопросов, а богословие – апоретический вопрос и ответ на него – личность, Логос, ставший плотью и сам творящий плоть. В этом своем качестве наука всегда начинает все заново и по-другому, резюмируя весь предшествующий дискурс и оставаясь при этом в вечном долгу у того, что ей предшествует. Как подчеркивает в своей «Ортодоксии» Честертон:

Дети полны сил, они свободны, они крепки духом, потому им и хочется, чтобы все повторялось. Они твердят: «Еще!», и взрослые слушаются, пока не падают от усталости, – ведь взрослые недостаточно сильны для однообразия. А вот Бог, наверное, достаточно силен. Наверное, Он каждое утро говорит «Еще!» солнцу и каждый вечер – месяцу. Быть может, не сухая необходимость создала все маргаритки одинаковыми; быть может, Бог создал каждую отдельно и ни разу не устал. Бог ненасытен, как ребенок, ибо мы грешили и состарились, и Отец наш моложе нас.

Если мы хотим наследовать Царство, то, учат нас, мы должны обратиться и быть как дети; Царство же включает в себя Землю, и Луиджи Джуссани, по-видимому,

более чем прав, когда говорит нам, что «попытка отделить Небеса от Земли есть преступление»¹. Более того, весьма вероятно, что именно в этой попытке источник всех возможных преступлений. Достоевский, как известно, предостерегал нас: *если Бога нет, все дозволено*, и это, несомненно, чистая правда. Но, как подчеркнул Жак Лакан, кое в чем Достоевский «ошибся», ведь без Бога уже не остается ничего дозволенного. Насколько я понимаю, он хотел сказать, что без Бога возможен только нигилизм, а это значит, что мы оказываемся по ту сторону добра и зла (как хотелось бы Ницше) – величайшее преступление заключается в том, что больше нет никаких преступлений, а есть только полное их забвение, и нас рожают уже не *верхом на могиле* (как говорил Сэмюэл Беккет), а, скорее, в самой могиле. Бог или ничто и даже меньше, чем ничто – такова ставка.

Настоящая книга есть попытка поучаствовать в полемике вокруг спорных вопросов теории эволюции, но, сказать по правде, я очень надеюсь, что, дочитав ее до конца, вы испытаете точно такое же странное облегчение, какое ощутил я – некое чувство свободы – и пожмете плечами. И тогда вы сможете, наконец, сбросить с себя культурные цепи позднего модерна и насладиться научным дискурсом во всем его богатстве, как одним из захватывающих приключений, которые дарит нам жизнь.

Здесь, пожалуй, мне следует обратить внимание читателей русского издания на одно обстоятельство, замеченное лишь немногими из тех, кто прочел английский оригинал (как, впрочем, и другие переводные версии), а именно: книга строится вокруг шести дней творения, вот почему в главе 7 человек охарактеризован как *вид живых существ, рожденный Субботой*².

Я хотел бы воспользоваться возможностью и выразить мою глубокую благодарность всем, кому довелось изрядно попотеть над переводом этой книги, и, конечно, ректору Библейско-богословского института Алексею Бодрову. Для меня большая честь сознавать, что изложенные мною мысли зазвучат теперь и на русском языке. А поскольку у меня и у одного из величайших людей России Федора Достоевского общий день рождения, то мне хотелось бы надеяться, что призрак его вечно живого вдохновения – пусть даже в сколь угодно «усеченном» виде и спотыкаясь – бродит и по этим страницам.

Коноф Каннингем, 14 августа, 2017 г.

¹ Luigi Giussani, *The Risk of Education*, trans. R. Frongia (Crossroad Publishing Company: New York, 2001), p. 13.

² См. с. 485 настоящего издания. Дополнением к этой книге станет том, состоящий из трех глав. Такая его структура призвана не только вызвать в нашем сознании идею Троицы, но и указать на трехчастность человеческой антропологии, а именно: *Тело* (читай: Наука), *Душа* (читай: Философия) и *Дух* (читай: Богословие). См.: Connor Cunningham, *The Marriage of Discourse: The Return of Scientia* (Grans Rapids, MI: Wm B Eerdmans, 2019).

Посвящается Кристал

*Трещины есть везде –
Через них-то и проникает свет.*

Леонард Коэн, «Гимн», в:
The Future (Columbia, 1992)

Леопарды врываются в храм и выпивают до дна
содержимое жертвенных сосудов; это повторя-
ется снова и снова, и в конце концов это может
быть предусмотрено и становится частью обряда.

Франц Кафка,
«Размышления об истинном пути», в:
Афоризмы, Размышление #17.

*In principio erat Verbum**

* В начале было Слово (*лат.*).

«Видите ли, я твердо решил окрестить [«Происхождение видов»]
nolens volens, что станет для него спасением».

Аса Грей, из письма к Чарльзу Дарвину
от 31 марта 1862 года

БЛАГОДАРНОСТИ

Я писал эту книгу в твердой надежде, что *мыслящие атеисты* и *мыслящие христиане* выйдут, наконец, из дурацкого тупика, созданного фундаментализмом (неважно – секулярным или религиозным). Общаясь с мыслящими атеистами, я, как мне кажется, всякий раз замечал в них то, что мы могли бы назвать «глупой мудростью» – и она многому меня научила; тогда как мыслящие христиане проявляют «ученое незнание» (если несколько исказить смысл выражений, соответственно, Псевдо-Дионисия и Николая Кузанского). Ибо в некоторых этических, интеллектуальных, метафизических и политических вопросах их интересы совпадают. Происходит же это, на мой взгляд, потому, что те и другие созданы Богом; доказать это мне, разумеется, не под силу, однако наличие или отсутствие у меня подобной способности к делу не относится. И весьма вероятно, что сказанное в настоящей книге будет порой вызывать удивление как у христиан, так и у атеистов, ведь, как заметил однажды Мишель де Серто, «дискурс рождается там, где есть удивление»¹. Еще одним сюрпризом, с которым я определенно столкнулся, работая над книгой, было общение с самыми разными мыслителями, представлявшими великое множество научных дисциплин. Многие из них послали мне свои рецензии, статьи и даже целые рукописи будущих книг – это были генетики, биологи, философы и т.д., притом по большей части, насколько я мог понять, атеисты. Но в процессе нашего обмена идеями мы преодолевали любые мировоззренческие различия, и, должен признаться, подобный опыт оказался

¹ Michel de Certeau, "The Gaze of Nicholas de Cusa," *Diacritics* 17 (1987): 18.

чрезвычайно поучительным (во всяком случае, для меня). За него я и хотел бы сейчас поблагодарить Джерри Фодора, Томаса Нагеля, Леона Басса, Сандру Митчел, Терренса Дикона, Тимоти Шанахана, Джерома Кагана, Марка Ван Регенмортеля, Дэвида Стамоса, Холмса Ролстона III, Ленни Мосса, Эрнана Макмиллана, Э. Дж. Лоу и К. Вайса.

В разгар зимы, накануне выхода книги, я имел огромное удовольствие и честь написать сценарий документального фильма «Убил ли Дарвин Бога?» и представить его на Би-би-си, что дало мне бесценную возможность встречаться и беседовать с множеством замечательных людей, в том числе Фрэнсисом Коллинзом (бывшим руководителем проекта «Геном человека»), Дэниелом Деннетом, Майклом Рьюзом, Саймоном Конвеем Моррисом, Терри Мортенсенсом, Ником Спенсером, Пьетро Корси и о. Грегори Татумом (Доминиканский орден). Одним из главных источников наслаждения стала сама команда Би-би-си, проявившая в общении со мной величайшее терпение, и я его по достоинству оценил! Сборище атеистов? – может быть, но их ум, артистизм и энтузиазм просто заражали, и без них наш проект не имел бы успеха. Здесь я хотел бы выразить особую благодарность Дугу Хартингтону (но только не за ту музыку, которую, по его воле, нам приходилось слушать во время долгих поездок; возможно, впрочем, что всему виной моя собственная ограниченность), Роджеру Лукасу, Тони Бёрку, Майку Джексону, Кэтрин Лонгворт, Элу Роджерсу, Родриго Сальватьерра, Энди Раштону (настоящий мастер!) и Жан-Клоду Брагару, который оказался настолько любезен и бесстрашен, что подпустил к камере такого дилетанта, как я, и вдобавок обладал достаточной силой воображения, чтобы в самом начале создать общую концепцию проекта. Наконец, я хотел бы поблагодарить Эмили Девис, чья дружба и профессионализм помогли мне добраться до финиша, и даже (сам немного удивляюсь) целым и невредимым. Спасибо!

Не хлебом единым жив человек, но ведь и хлебом тоже. И тех людей, которые, пока я писал эту книгу, оказывали финансовую поддержку моему семейству, я хочу поблагодарить из глубины моих долгов! Без вас мы бы просто не выжили, а книжка никогда бы не явилась на свет. Особую признательность мы бы хотели выразить Рейчел Давенпорт, Робину Хаттону, Саре Каннингем Белл, Мюррею Беллу, Розе Фрейзер, Томасу (Десмонду) Мерфи, Кэтрин Мерфи и Грему Пакстону. А поскольку такого рода проекты подразумевают тяжкое бремя расходов, то было бы совсем некрасиво не упомянуть здесь еще одну важную фигуру – нашего почтальона. Кристал, моя жена, однажды заметила, что если бы я не подсел на книги, а приистрастился к наркотикам, то нашему семейству это обошлось бы дешевле. И тогда наш славный почтальон (Джон), желая помочь восстановлению семейного мира и согласия, стал прятать бесчисленные посылки с книгами в кустах перед нашим домом, а я их потом спокойно забирал, когда жена отправлялась с детьми в школу. Вот ведь молодчина!

Я имею редкое счастье работать в превосходном учебном заведении – Ноттингемском университете, а именно в Центре теологии и философии и на кафедре теологии и религиозных исследований, и коллеги оказывают мне величайшую

помощь и поддержку. Я хотел бы в особенности упомянуть Алана Форда, Карен Килби, Филипа Гудчайлда, Ричарда Белла, Алисона Милбанка, Адриана Пабста, Саймона Оливера и – последним по счету, но не по важности – Джона Милбанка, чей блестящий и щедрый ум всегда служил для меня источником вдохновения и надежной опорой.

Аарон Ричиз, с его потрясающими богословскими способностями, был главным моим собеседником, когда я писал нижеследующие страницы, и без него, вне всякого сомнения, они получились бы у меня гораздо хуже. Точно так же результат моих усилий оказался бы куда скромнее, если бы не помощь Питера М. Чандлера-мл.; его артистизм и творческий дар – словно спасательный круг, который бросают тебе в самый нужный момент. Наши долгие разговоры освежали душу, питали богословскую и философскую мысль, отчего цель, которую я перед собой поставил, начинала казаться более достижимой или, во всяком случае, менее безумной. Если вода способна превращаться в вино, а вино в кровь, то ведь то же самое можно сказать и о дружбе, а Питер мне настоящий брат!

Я хотел бы также поблагодарить моих издателей, «Уильям Б. Эрдманс», ибо замысел книги родился из разговора с Биллом и Сэмом Эрдмансами несколько лет тому назад в Испании, а впоследствии Ион Потт щедро одарил меня своим терпением, помощью и энтузиазмом. Кстати, об Испании: Хавьер Мартинес, архиепископ Гранадский – поистине уникальный человек! – все это время был мудрым пастырем для меня и моей семьи.

А вот где собиралась публика, которую постигло знакомство с ранними воплощениями следующего ниже: Эдинбургский университет; Сент-Эндрюс; Дублин (Матер Деи); Брага (Португалия); Бэйлорский университет (Уэйко, Техас); Университет Сент-Эдвардс (Остин, Техас); Оксфорд; Университет Де Поль (Чикаго); Институт Иоанна Павла II (Вашингтон); Университет Суонси (Уэльс); Университет Ноттингем Трент и, наконец, Ноттингемский университет. Первую свою лекцию об эволюции я прочел в Гранаде (Испания), а необыкновенно добрые слова, которыми отозвался на нее Луи Дюпре, и склонили меня к решению изложить свои мысли в книге (так что его теперь во всем и вините!). Позднее архиепископ Роуэн Уильямс любезно предложил мне выступить в Ламбетском дворце на тему «Наука и религия»; и за это я ему чрезвычайно признателен, как и за то, что он всячески поощрял меня в намерении писать об эволюции.

Следует также упомянуть и других важных для меня собеседников: Айру Brent Дриггерса (который прочел весь черновой вариант текста), Тони Бейкера, Нила Торнбелла, Майкла Бадда (подстригись же, наконец!), Алессандру Джеролин, Криса Хеккета, Джона Райта, Маркуса Паунда и Саймона Конвей Морриса, чьи работы по-настоящему меня вдохновляли (хотя сам он в этом не виноват, честное слово). Если бы не талант Эрика Ли, то подготовить книгу к публикации я смог бы разве что в 60-летнем возрасте – спасибо вам всем за помощь! А еще я хотел бы вспомнить здесь Патрицию и Майкла Девонов. Если бы их не было рядом со мной в юности, то выживание (в дарвиновском смысле) оказалось бы для меня задачей

гораздо более трудной, а может, и вовсе невыполнимой. А за дом, который взялся я тогда покрасить... простите великодушно – *mea culpa!*

Если креационисты желают найти единственный действительно неотразимый довод против теории эволюции, то им следует обратиться к моей жене, ибо она, несомненно, собственными глазами наблюдала *инволюцию* – когда я время от времени покидал ряды *Homo sapiens* и возвращался в состояние неандертальца (не в обиду неандертальцам, конечно). А потому я делаю оригинальный ход и посвящаю эту книгу моей красавице-жене. Кристал, спасибо тебе за все, а особенно за трех маленьких «носителей», которые очень даже пригодятся для передачи моих эгоистичных генов грядущим поколениям, – Джорджину, Падрейга и Марту.

ВВЕДЕНИЕ

Мы живем в эпоху эволюции Эволюции. Все идеи, с которыми работают эволюционисты, все теории и обобщения сами претерпели эволюцию и продолжают эволюционировать.

Генри Драммонд (1883)¹

Случилось так, что в час окончательного торжества материализма само его орудие, «эволюция», преодолело, пусть имплицитно, рамки материалистического мировоззрения и вновь поставило онтологический вопрос – когда он казался только что решенным.

Ханс Йонас²

Быть может, нам удастся отойти от унылого материализма, столь характерного для современного мышления, с его принципом, согласно которому с миром отныне можно делать все, что угодно. И кто сказал, что эта контратака будет направлена против науки? Отнюдь нет. Эволюция может быть просто фактом, который, однако, требует постоянной интерпретации.

Саймон Конвей Моррис³

Чарльза Дарвина многие считают врагом религии и даже *самым главным* ее врагом, а в дарвиновской теории эволюции как ее сторонники, так и противники часто видят атаку на идею Бога, попытку выставить на всеобщее

¹ Эта цитата взята из чрезвычайно любопытной работы Robert Reid, *Biological Emergencies: Evolution by Natural Experiment* (Cambridge: MIT Press, 2007), которая в свою очередь является частью увлекательной и новаторской *Vienna Series in Theoretical Biology*, edited by Gerd B. Muller, Gunter P. Wagner, and Werner Callebaut.

² Hans Jonas, *The Phenomenon of Life: Towards a Philosophical Biology* (Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 2001), p. 58.

³ Simon Conway Morris, *Life's Solution: Inevitable Humans in a Lonely Universe* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003), p. 2.

обозрение смехотворную бессмысленность благочестия верующих. И тут атеисты и люди религиозные нередко заводят одну и ту же песню: дарвиновская эволюция, твердят они, грозит уничтожить религию в самом ее основании. Мы же в последующих главах попробуем доказать, что это бесконечно далеко от истины, и что нечестивый союз атеистов и религиозных фундаменталистов неверно истолковывает теорию Дарвина. Более того, на этих страницах мы изложим теорию Дарвина таким образом, чтобы со всей ясностью продемонстрировать: она не только не противоречит ни религии вообще, ни христианству в частности, но приносит огромную пользу христианской религии. А значит, отнюдь не являясь «опасной идеей» (по словам Дэниела Деннета), теория эволюции оказывается «благочестивой идеей».

Конечно, если вести речь о христианстве, то теория эволюции может казаться опасной некоторым христианам, и она действительно угрожает основаниям определенных версий «христианства». Но это относится лишь к тем христианам, которые понимают свою веру в каких-то до странности современных терминах, совершенно отличных от традиционного христианства и ортодоксии церковных символов. В этом смысле идея Дарвина предстает перед нами как идея «благочестивая», ведь она может служить пробным камнем «ортодоксальности» нашей веры. Было бы, конечно, неправильно считать дарвинизм достаточной проверкой христианской ортодоксии *tout court* – он не является даже необходимой ее проверкой. Скорее, так: дарвинизм представляет собой любопытный и полезный «тест» именно сейчас, в этот конкретный момент нашей культурной истории. Если дарвинизм и «опасен», то лишь потому, что популярная его версия, продвигаемая самыми раскрученными из так называемых «дарвинистов», пытается превратить его в некую универсальную философию. Этих авторов обычно именуют «ультрадарвинистами» или «дарвинистскими фундаменталистами» (так их нарекли собратья-дарвинисты и атеисты, а отнюдь не верующие). Подобная разновидность дарвинизма «опасна» не только для религии, но и для науки и даже для мыслящих атеистов. А следовательно, если эта версия дарвинизма представляет собой решительное наступление на религию, то она в то же самое время означает удар по науке и по всей нашей культуре. Ультрадарвинизм, если он истинен, лишает нас рациональности, этики, философии, науки и даже – такова его внутренняя логика – заставляет нас отрицать Холокост. К счастью, мы в силах показать, что ультрадарвинизм интеллектуально убог, ошибочен и старомоден и что в нем было бы правильнее видеть не истинное изложение теории эволюции Дарвина, а скорее одну из христианских ересей. Стало быть, ультрадарвинизм лишь уродует наш культурный ландшафт, являясь чем-то таким, что должно вызывать отторжение у любого человека, как верующего, так и неверующего.

Возьмем, к примеру, Ричарда Докинза. В последующих главах мы продемонстрируем полную несостоятельность Докинзова подхода к дарвинизму и покажем, что его попытки использовать дарвинизм как основу для построения собственной, чрезвычайно странной – и попросту вульгарной – версии атеизма обернулись

в действительности жалким фарсом. Мы даже склонны думать, что одним из мотивов, побудивших Докинза взяться за написание «Бога как иллюзии», стало то обстоятельство, что сам он подсознательно чувствовал: его интерпретация дарвинизма не выдерживает никакой критики. А потому он вынужден был уйти в сторону от проблемы эволюции и заняться довольно-таки дилетантским философствованием, в забавных потугах мастерить нечто оригинальное из старых аргументов, появившихся за много столетий до того, как на сцену вышел Дарвин. В культурном аспекте мы рекомендовали бы серьезным читателям эти старые, более честные и умные версии атеизма, поскольку в избыточно «эффектных» формах, которые принимают данные аргументы у новейших атеистов, несомненно, чувствуется некое *отчаяние*. И если Дарвинова теория эволюции, по нашему мнению, не представляет опасности, то это отчаяние опасно, ибо в нем столько упрямства, эгоизма, а значит, идеологизированности, что интеллектуальные сомнения посещают его слишком поздно (если приходят вообще). А после 11 сентября наша культура (неважно, верим ли мы в Бога или нет) уже не может себе позволить пробавляться подобного рода пагубным пустословием. И напротив, одним из удовольствий, которые доставило мне написание этой книги, явилось общение с множеством ученых-естественников (химиков, эволюционных биологов, генетиков), а также философов, психологов и антропологов; почти все они присылали мне свои научные статьи, рецензии на чужие книги, а порой даже целые рукописи собственных книг. Подавляющее большинство этих людей было атеистами, тогда как я считаю истиной ортодоксальное христианство. Тем не менее, наш обмен идеями оказался чрезвычайно полезным и поучительным (во всяком случае, для меня). И действительно, в наших стремлениях обнаружилось, по-видимому, много общего – обнаружилось там, где уже нет места подростковому остервенению новейших атеистов, ультра-дарвинистов и, разумеется, креационистов.

Сказано: «Любовь изгоняет страх», и здесь, если можно так выразиться, первой исчезла боязнь ошибки. Это не значит превратиться в самоуверенного нахала, это означает лишь одно: ясно понять, что никто из нас не Бог (если, как заметили бы мои собеседники, Бог существует). Стоит лишь бросить взгляд на историю нашей, западной, цивилизации, и мы увидим, сколько истин, прежде считавшихся достоверными – научных, философских и прочих, – кануло в Лету. Это и есть наш удел как *Homo sapiens* – всегда быть *in via* (в пути), подобно паломникам, шествующим по интеллектуальным и иным дорогам. Следовательно, различия во мнениях остаются и никогда не исчезнут, но в них нужно видеть призыв не к оружию, а к учебе, к разумной дискуссии, к обмену мыслями, и процесс этот, как все мы знаем, будет (или должен) продолжаться до скончания века. В конце концов, разве не можем мы в дождливый день столкнуться нос к носу в очереди на остановке и, в ожидании автобуса, поделиться по-братски последней сигаретой?

В главе 1 («Введение в дарвинизм – общепринятый взгляд: расколдование») мы излагаем то, что назвали здесь общепринятым взглядом на дарвинизм, а именно

миф, согласно которому теория эволюции производит полнейший переворот в наших идеях и из нее вытекают чрезвычайно серьезные и негативные по своему характеру последствия. В этой главе мы знакомим читателя с основными положениями дарвиновской теории эволюции. Следующие три главы вводят читателя в проблематику важнейших дискуссий, которые по-прежнему бушуют в рамках дарвинизма; среди прочего эти главы помогут нам понять, что дарвинизм не есть нечто монолитное, но, подобно христианской церкви, имеет множество «конфессий» – от адвентизма седьмого дня до римского католичества, – и точно так же, как в религии вообще, споры между адептами различных дарвинистских деноминаций могут быть чрезвычайно шумными и яростными. Двигателем эволюции, учил нас Дарвин, выступает нечто, названное им самим «естественным отбором». Встает вопрос: что же именно «отбирается» этим механизмом? Эгоистичные гены, как уверяет нас Докинз, индивиды или, может, целые виды? В главе 2 («Элементы воскресения») мы описываем суть этих споров и приходим к выводу, что естественный отбор действует на многих уровнях, а кроме того, что идея эгоистичных генов в значительной мере есть вздор – во всяком случае в том виде, в каком эту идею излагает и использует Докинз. Глава 3 посвящена анализу тех функций, которые способен или неспособен выполнять естественный отбор; является ли он всемогущим механизмом или просто одним из многих механизмов? В этой главе мы с изумлением убеждаемся, до какой степени Докинзово понимание естественного отбора сходно с представлением Уильяма Пейли о «Богe» как некоем конструкторе-проектировщике. И подобно тому, как последнее является еретическим понятием о христианском Боге, точно так же и первое оказывается ересью с точки зрения эволюционной теории, во всяком случае, повторим еще раз, в том виде, в каком представил публике свою трактовку сам Докинз. В главе 4 («Эволюция – это прогресс?») ставится вопрос: предполагает ли эволюция какое-либо направление? Иначе говоря, есть ли это чисто случайный, беспорядочный процесс, или же в нем обнаруживается некая структура, подразумевающая необходимость и неизбежность? Мы приходим к выводу, что эволюции присуще что-то вроде направления, хотя, разумеется, в ней обнаруживается и значительный элемент случайности («случайности», конечно, с нашей точки зрения, которая, будем откровенны, и задает единственно возможную для нас перспективу). Глава 5 («Материя выше сознания: мы никогда не были современными людьми») описывает и критикует распространение теории Дарвина за пределы биологического мира и перенос ее на человеческое сознание. Здесь предметом нашего изучения становится социальный дарвинизм со всем его потомством – евгеникой, социобиологией и эволюционной психологией. Мы приходим к выводу, что дарвиновский анализ наших физических и психических свойств позволил сделать в этой области немало тонких и глубоких открытий, ведь мы, люди, в конце концов создания телесные (и наш вывод не должен смущать христиан, верующих в то, что Бог стал человеком). В конечном счете, однако, выясняется, что значительная часть того, что иные выдают за научную теорию или факт, есть лишь вздор и чепуха, притом че-

пуха пагубная. В главе 6 («Натурализация натурализма: призраки материализма») мы описываем и исследуем миф о «противостоянии науки и религии», который на самом деле оказывается не более чем фикцией. Кроме того, мы предлагаем критику, во-первых, материализма и, во-вторых, натурализма, ибо мы обнаруживаем, что эти философские установки, подобно ультрадарвинизму, ничем, в сущности, не угрожают небесам, зато несут верную гибель земле. Таким образом, данная глава побуждает нас внимательнее присмотреться к тому, что стоит за фасадом спора «естественное против сверхъестественного», ибо из названных философских позиций проблематичным оказывается как раз «естественное» – ситуация, которая становится вполне очевидной, когда в последнем разделе главы мы даем краткую характеристику основным философским подходам к человеческому сознанию. И здесь нельзя просто сказать, что многие из этих подходов лишают нас возможности верить в Бога; скорее, они отнимают у нас веру во что-либо вообще, в том числе и в эволюцию. Коротко говоря, дело не в том, что мы больше не можем верить в Бога или (как многие любят выражаться) в сверхъестественное – нет, мы больше не способны верить в самих себя и в природу. А значит, ложное мнение, будто мы могли бы просто отбросить Бога, а затем без всяких для себя последствий преспокойно жить в нашем естественном мире здравого смысла, оказывается полностью ложным. В самом деле, многие из обсуждаемых в этой главе философских установок, по сути, более губительны, чем все войны, болезни, убийства, насилия, болезни, зверства террористов и преступления геноцида вместе взятые. Следовательно, ведущиеся в нашей культуре дискуссии вокруг этих вопросов требуют гораздо больше тонкости и проницательности, нежели находим мы их в сочинениях новейших атеистов, и требуют по самой простой причине: слишком многое поставлено здесь на карту для каждого из нас. В этой предпоследней главе мы приходим к одному, по-видимому, контринтуитивному выводу, а именно: все многообразные виды редукционизма и материализма, которые обнаруживаются в философии, могут быть истолкованы – если взглянуть на них под определенным углом – как аргументы в пользу богословия. Иначе говоря, в самых вредных и разрушительных типах философии, нравятся это им самим или нет, можно вновь увидеть служанок богословия. А потому не удивительно, что последняя глава («Иная жизнь: мы никогда не были средневековыми людьми») представляет собой уже сугубо богословскую трактовку многих вопросов, затронутых в предыдущих главах; в ней доказывается, что ортодоксальное христианство способно предложить человеку понимание жизни и природы, избегающее опасностей современного нигилизма, и таким образом восстановить наш мир здравого смысла, а с ним – возможность красоты, истины, блага и, наконец, нашей веры в эволюцию. Мы делаем это, исследуя первые две главы книги Бытия, а также личность Адама и Евы, их грехопадение, первородный грех и саму смерть.

Поскольку книга эта написана не ученым-естественником, а человеком, изучавшим богословие, философию и право, то я отлично понимаю людей, не знакомых с научной терминологией. Мною были приложены величайшие усилия к тому,

чтобы сделать книгу доступной для неспециалистов – в конце концов, я ведь сам один из них. Но мотивом, который должен побуждать нас к знакомству с дисциплинами, лежащими вне круга наших собственных профессиональных интересов, и в частности – к чтению книги об эволюции, является культурная и богословская необходимость таких междисциплинарных контактов, ибо научная трактовка естественного мира используется, во благо или во зло, как аргумент против самых дорогих нашему сердцу философских и богословских воззрений. А потому нам важно уяснить себе и показать другим, что означают подобные вызовы и откуда они исходит. Или – с таким увещанием мог бы обратиться к нам апостол Павел – мы должны изучать и хорошо знать поэтов и мыслителей прежде чуждых нам земель; ныне же этого настоятельно требует проблема эволюции, и если мы пройдем мимо нее, то останемся в неведении относительно одной из главнейших дискуссий нашей эпохи и кончим тем, что станем «проповедовать хору», замыкая таким образом самое христианство в духовном гетто. В то же время любой контакт подобного рода может помочь нам лучше уразуметь то, что некогда казалось нам и вполне очевидным, и хорошо знакомым – нашу веру в Бога. Как выразился папа Бенедикт XVI: «Теория эволюции не способна ни отменить веру, ни стать для нее подтверждением. Но она действительно требует, чтобы вера глубже поняла себя самое и таким образом помогла человеку понимать себя и все в большей степени становиться тем, чем он и есть – существом, которое призвано сказать Богу “Ты” в вечности»⁴.

⁴ Цит. по: *Creation and Evolution. A Conference with Pope Benedict XVI in Castel Gandolfo*, ed. Stephen O. Horn and Siegfried Wiedenhofer, trans. Michael Miller, foreword by Cristoph Cardinal Schonborn (San Francisco: Ignatius, 2008), p. 16.

Г Л А В А 1

Введение в дарвинизм – общепринятый взгляд: расколдование¹

Разве не в безудержном прогрессе пребывает со времен Коперника именно самоумаление человека, его воля к самоумалению? Ах, вера в его достоинство, уникальность, незаменимость в ранговой очередности существ канула в небытие – он стал животным, животным без всяких иносказаний, скидок, оговорок, он, бывший в прежней своей вере почти что Богом... Со времен Коперника человек очутился как бы на наклонной плоскости – теперь он все быстрее скатывается с центра – куда? в Ничто? – в «сверлящее ощущение своего ничтожества»?.. Что ж!

Фридрих Ницше²

*Все шире – круг за кругом – ходит сокол,
Не слыша, как его сокольник кличет,
Все рушится, основа расшаталась,
Мир захлестнули волны беззаконья,
Кровавый шифрится прилив и топит
Стыдливости священные обряды.*

У.Б. Йейтс³

Многие утверждают, что «научная революция» началась в 1543 году, когда в работе *De revolutionibus orbium coelestium* была обнародована идея Коперника о вращении Земли вокруг Солнца. По-видимому, это стало чем-то вроде

¹ Тему расколдования (демистификации) ввел в западное сознание Макс Вебер: «Удел нашего времени характеризуется процессами рационализации и интеллектуализации и, сверх того, демистификации мира». Цит. по: *Max Weber: Essays in Sociology*; trans. And ed. H. H. Gerth and C. Wright Mills (New York: Oxford University Press, 1946), p. 11.

² Фридрих Ницше, «К генеалогии морали», в *Сочинения в двух томах*, т. 2., М., 1990, с. 815.

³ Уильям Батлер Йейтс, «Второе пришествие», перевод Григория Кружкова.

шока, ведь гелиоцентрическая модель отвергала центральное положение Земли и таким образом, считали некоторые, лишала прежнего исключительного значения нашу планету, а с ней, делали они вывод, и само человечество. Американская романистка Мери Маккарти в своей «Истории прогрессирующего уничтожения» написала даже так: «Современный невроз начался с открытиями Коперника»⁴. Как будто этого было мало, Исаак Ньютон 144 года спустя опубликовал свои *Philosophiae Naturalis Principia Mathematica* (1697) – работу, изгнавшую старую аристотелевскую космологию целевых причин из современной физики или естественной философии. Таким образом, небеса утратили, казалось, всякое влияние на ход земных дел, а поскольку Вселенная мыслилась теперь бесконечной, то пришлось отказаться от самого понятия «центр». Но это означало, что и небеса как таковые перестали существовать, ибо они в буквальном смысле обрушились под тяжестью тех самых объяснительных законов, которые управляли движением Земли. Отныне господствовала механистическая картина Вселенной, оставлявшая совсем немного места для божества; либо, если божество все же признавалось, его роль переписали заново, так что оно стало похоже на проживающего вне своего имения помещика или инженера, который в День Первый полностью запустил все дело, а затем в остальные шесть Дней почивал от трудов. Тогда-то у людей впервые возникло чувство космологической уязвимости. Обращая взоры к ночному небу, они уже не вглядывались в сияющий красотой небосвод в тщетной надежде узреть в нем мерцание смысла. Нет, теперь ночное небо стало чем-то вроде бездны, ведь наполняла его единственно лишь пустота, и мы, всматриваясь в эту беспредельную пустоту, содрогались, потому что она каким-то непостижимым образом заставляла нас ощутить нашу собственную пустоту и бессмысленность. И тогда небеса рухнули на землю и погребли нас.

Однако в ту пору дела обстояли еще не так скверно, как впоследствии, ведь в XVII веке многие вещи – например, человеческий разум – оставались недоступны научному объяснению, и по-прежнему существовало нечто вроде интеллектуального «фронтiera». Как выразился английский философ Джон Локк, «если должно существовать нечто вечное, то посмотрим, что это за вещь должна быть. Вполне очевидно для разума, что это необходимо должно быть мыслящее существо. Представить себе, чтобы чистая немыслящая материя могла произвести мыслящее разумное существо, так же невозможно, как невозможно представить себе, чтобы ничто могло из себя самого произвести материю»⁵. Представление о разуме как о необходимой основе всего сущего дарвинист Дэниел Деннет называет позицией «сначала – сознание»⁶. Именно это воззрение породило древнюю идею «Великой

⁴ См.: Mary McCarthy, *On the Contrary: Articles of Belief, 1946-1961* (New York: Farrar, Straus and Cudahy, 1961).

⁵ John Locke, *An Essay concerning Human Understanding* (New York: Dover Publications, 1964), p. 221. [Джон Локк, «Опыт о человеческом разумении», в: *Сочинения в трех томах*, кн. 4, т. 2, М.: Мысль, 1985, с. 101. – Здесь и далее в квадратных скобках и под знаком * в сносках даются примечания переводчика и редактора настоящего издания.]

⁶ Daniel Dennett, *Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meaning of Life* (New York: Simon and Schuster, 1995), p. 76.

цепи бытия» (*scala naturae*) – веру в то, что сущее имеет одновременно индивидуальный и иерархический характер (например, данное Y, червь, стоит ниже X, скажем, дельфина). Начиная с низшей ступени, которую занимает неодушевленная материя, и вплоть до Перворазума (Бога) идет лестница возрастающего смысла; отсюда следует, что всякий элемент бытия имеет на ней свое собственное, единственно правильное место и что все сущее, даже червь, наделено до известной степени смыслом и значением.

Рис. 1. Великая цепь бытия (*scala naturae*) есть представление о том, что природа являет собой иерархически упорядоченную по важности систему – лестницу, ведущую от неодушевленного к одушевленному, и от одушевленного до самой вершины – Бога. Некоторые утверждают, что подобное представление было разрушено с появлением, во-первых, гелиоцентрической системы Коперника, затем – ньютоновским механистическим объяснением природы и, наконец, дарвиновской теорией эволюции. Но так ли это на самом деле? В конце концов, за поедание латука у нас никого не сажают, а вот за употребление в пищу других людей дают срок; равным образом, мы можем косить траву, но не орудовать косой против соседской собачонки.

Если Коперник, а за ним Ньютон бросили вызов идее иерархического многоярусного космоса, то Дарвин, по-видимому, довершил их дело. Как пишет об этом Зигмунд Фрейд,

В течение веков наивное самолюбие человечества вынуждено было претерпеть от науки два великих оскорбления. Первое, когда оно узнало, что наша земля не центр Вселенной, а крошечная частичка мировой системы, величину которой едва можно себе представить. Оно связано для нас с именем Коперника, хотя подобное провозглашалось уже александрийской наукой. Затем второе, когда биологическое исследование уничтожило привилегию сотворения человека, указав ему на происхождение из животного мира и неискоренимость его животной природы. Эта переоценка произошла в наши дни под влиянием Чарльза Дарвина, Уоллеса и их предшественников. Но третий, самый чувствительный удар по человеческой мании величия было суждено нанести современному психологическому исследованию, которое указало Я, что оно не является даже хозяином в

своем доме, а вынуждено довольствоваться жалкими сведениями о том, что происходит в его душевной жизни бессознательно»⁷.

Этот вызов, брошенный Я на почве психологии, исходил в конечном счете, как будут доказывать ультрадарвинисты, не от Фрейда, а от Дарвина: речь идет о распространении биологических открытий Дарвина на поведенческую сферу – подходе, который он наметил в «Происхождении видов» и лишь впоследствии развил в «Происхождении человека»⁸.

Понижение человека в звании до статуса простого животного (хотя уже здесь нам следовало бы задаться вопросом, а можно ли вообще – в свете теории эволюции – вести речь о «простом» животном?) удачно описано в новелле А.С. Байета «Морфо Эугения», в которой действуют два героя – Адамсон, убежденный дарвинист, и Алабастер, англиканский викарий. Алабастера тревожат (и это еще мягко сказано) выводы, следующие из дарвинизма. Он говорит Адамсону:

В течение моей жизни мир так сильно изменился. Я достаточно долго живу на свете, а потому застал то время, когда маленькие дети (и я был один из них) верили в наших прародителей, обитавших в раю, в Сатану, который скрывался в облике змея, и в Архангела с пылающим мечом, который запер ворота в Эдем. Не ведая сомнений, я верил в рождение Божественного Младенца – холодной ночью, под небом, полным поющих ангелов, при пастухах, поднявших горе изумленные взоры, и в царей, которые на верблюдах через пески спешили к Немусу с дарами из чуждых стран. И вот теперь мне подсовывают мир, в котором мы стали тем, чем ныне являемся, в результате изменений какого-то мягкого студня и известкового костного вещества, происходивших на протяжении невообразимого числа тысячелетий; мир, где ангелы и демоны больше не ведут на небесах битву во имя добродетели и порока, но в котором мы едим, а потом поедают нас, превращая таким образом в другую плоть и кровь⁹.

⁷ Sigmund Freud, *A General Introduction to Psycho-Analysis*, in *Great Books of the Western World*, ed. Mortimer J. Adler, vol. 54, *Freud* (Chicago: Encyclopedia Britannica, 1993), p. 562. Этот общепризнанный взгляд мы находим и у Стивена Уайнберга: «Вся известная нам история науки неизменно указывает на леденящую душу безличность законов природы. Первым великим шагом на этом пути стала демистификация неба [здесь автор говорит в т.ч. и о Копернике]... Жизнь также подверглась демистификации. Важнейшую роль в этом сыграли Чарльз Дарвин и Альфред Рассел Уоллес». Steven Weinberg, *Dreams of a Final Theory: The Scientist's Search for the Ultimate Laws of Nature* (New York: Vintage Books, 1994), pp. 146-147.

⁸ В список тех, кто сверг человека с престола, мы могли бы внести и других лиц, которые обычно проходят здесь в качестве подозреваемых – Карла Маркса и, конечно, Фридриха Ницше, цитированного нами в начале главы. Чтобы охарактеризовать действие, оказанное Ницше, Марксом и Фрейдом на самосознание западного человека, Поль Рикёр придумал даже особое выражение – «мастера подозрения»; см.: Paul Ricoeur, *Freud and Philosophy: An Essay on Interpretation*, trans. Denis Savage (New Haven: Yale University Press, 1970). Следуя справедливому замечанию Ницше, мы бы, конечно, добавили сюда и Дарвина. Автаркическое Я, некогда отражавшее образ Творца, превратилось ныне в простое животное (Дарвин), самые мысли которого уже нельзя считать его собственными, ибо сфера бессознательного подорвала авторитет сознательного – как это сделали также классовая принадлежность (Маркс) и, наконец, воля к власти (Ницше). Так что же теперь, глядя в зеркало и видя в нем этот жуткий лик, должны мы думать о самих себе? Далее мы убедимся, что Стивен Джей Гулд в своей интерпретации дарвинизма испытал сильнейшее влияние как Фрейда, так и Ницше.

⁹ A.S. Byatt, "Morpho Eugenia", in *Angels and Insects: Two Novellas* (London: Chatto and Windus, 1992), pp. 59-60.

Этот мир больше не обнаруживает никакого смысла и не свидетельствует о великой драме творения, о борьбе добра и зла, о спасении и проклятии; в нем нет и намек на божественный замысел, теперь это лишь наводящая жуть сцена, где мы видим бесконечный поток биомассы или круговорот возбужденной материи. «Утрата моя безмерна, – продолжает Алабастер, – я чувствую совершенное отчаяние... [оттого что ныне] всем нам, словно мыши, которую с хрустом сожрала сова, или теленку, ведомому на убой, суждено превратиться в гумус, пройдя через ворота, которые открываются только в одну сторону – туда, где кровь, прах и смерть»¹⁰. Этот жуткий сценарий выразительно описывает Дэниел Деннет, видящий в теории Дарвина нечто вроде универсальной кислоты (хотя Джон Дьюи еще в 1910 году назвал дарвиновскую теорию эволюции «величайшим растворителем»):¹¹

Вы когда-нибудь слышали об универсальной кислоте? На эту тему я любил фантазировать с друзьями в школе... Универсальная кислота – это жидкость, которая обладает столь сильным разъедающим действием, что прожигает насквозь буквально все! А загвоздка тут вот какая – в чем вы ее будете хранить? Ведь стеклянные бутылки и стальные канистры она разрушает с такой же легкостью, как и бумажные пакеты. Что бы случилось, если бы где-нибудь нашли или сами изготовили изрядное количество этой кислоты? Была бы в конце концов уничтожена вся наша планета? И что бы от нее осталось? И как бы выглядел мир после всеобщей трансформации, вызванной контактом с универсальной кислотой? Тогда я еще не догадывался, что через несколько лет познакомлюсь с идеей – идеей Дарвина, – имеющей очевиднейшее сходство с универсальной кислотой: она разъедает едва ли не все предшествующие концепции, революционизируя тем самым наш взгляд на мир, после чего важнейшие из прежних его элементов, хотя мы все еще способны их различить, оказываются радикально преобразованными. Родилась идея Дарвина как решение проблем биологии, но она грозила просочиться наружу и предложить ответы – приятные или не очень – на вопросы космологии (двигаясь в одну сторону) и психологии (распространяясь в ином направлении). Если преобразование могло быть алгоритмическим процессом эволюции, происходившим без всякого участия сознания, то почему же весь этот процесс сам не мог быть продуктом эволюции и так далее до самого истока? И если чуждая разуму эволюция способна объяснить поражающие нас своей мудростью произведения биосферы, то как можно исключать из эволюционного объяснения продукты нашего собственного «реального» сознания? Таким образом, идея Дарвина грозила распространиться повсюду, растворив наши иллюзорные представления о самих себе как о некоем первоисточнике, о присутствии в нас божественной искры творчества и понимания¹².

Итак, согласно Деннету, опасность идеи Дарвина в том, что она работает, как «подъемный кран» – а вовсе не как «крюк», цепляющий что-то «на небе» и опуска-

¹⁰ Byatt, *Morpho Eugenia*, p. 69.

¹¹ См.: John Dewey, *The Influence of Darwin on Philosophy and Other Essays* (New York: H. Holt and Co., 1910), p. 19. Впрочем, кардинал Ньюмен еще раньше говорил об «универсальном растворителе» в связи с применением методов «высокой критики» в отношении Библии. Здесь мы хотели бы поблагодарить профессора Джона Дж. Райта, который обратил наше внимание на этот факт.

¹² Dennett, *Darwin's Dangerous Idea*, p. 63.

ющий на землю¹³. Последнее сравнение означает у Деннета нечто вроде только что упоминавшегося Локкова представления о разуме; используя же первую аналогию, он хочет сказать, что отнюдь не сознание создает материю. Напротив, материя «создает» или порождает сознание (или, во всяком случае, то, что мы именуем «сознанием», ведь многие оспаривают самое существование последнего)¹⁴. А значит, не следует удивляться, если то, что находится у нас в голове, мы называем «серым веществом». В результате Великая цепь разрывается, ибо нет теперь ни верха, ни низа¹⁵. Ведь рухнувшие небеса лежат у нас под ногами: они утратили свою высь – точно так же, как земля лишилась своего центрального положения, а жизнь, рассматриваемая ныне механистически, – своей витальной силы и из сознания, если можно так выразиться, ушел его дух. В человеке нет больше божественной искры, неуловимой и невыразимой души, есть только грубое, хотя и весьма хитро устроенное распределение материи, по природе своей ничем не отличающееся от животного мира. По словам Стивена Дж. Гулда, «вырождение паразита столь же совершенно, как и легкий бег газели»¹⁶. Но если это верно, то почему же мы упорно держимся за иллюзорное представление, будто косить траву – это хорошо, а идти с косой на соседскую собаку – нет, и что точно так же хорошее дело – съесть цыпленка (или, во всяком случае, морковку), но никак не детей нашего соседа, пусть даже их у него пятеро и они очень шумят? В терминах абсолютного континуума, отвергающего всякую иерархию, суть дела удачно описывает Фредерик Тернер: «Клещи, которых я убиваю, когда умываюсь (один вид микроскопических клещей живет только в ресницах человека), – тоже животные. Если, как того требует логика данного рассуждения, мы отказываемся от иерархического принципа, который устанавливает моральное различие между человеком и остальными животными, то мы точно так же должны отбросить иерархический принцип, отделяющий в моральном отношении клещей (и даже малярийные плазмодии и вирусы герпеса) от гренландских тюленей, зеленых маргышек, а также кошек и собак»¹⁷.

¹³ Ibid., p. 73.

¹⁴ См. ниже главу 5.

¹⁵ Как пишет Куайн, «верха не существует»; W.V. Quine, "Designation and Existence", in *Readings in Philosophical Analysis*, ed. Herbert Feigl and Wilfred Sellars (New York: Appleton, Century, Crofts, 1949), p. 46.

¹⁶ Stephen J. Gould, *Ever Since Darwin: Reflections in Natural History* (Harmondsworth: Penguin, 1977), p. 13. Более ярко и эффектно, в свойственном ему стиле, выражает эту мысль Ницше: «Где Бог? – воскликнул он, – Я хочу сказать вам это! Мы его убили – вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется оно? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство?» Фридрих Ницше, «Веселая наука», в *Сочинения в двух томах*, т. 1, М.: Мысль, 1990, с. 592.

¹⁷ Frederick Turner, *The Culture of Hope: A New Birth of the Classical Spirit* (New York and London: Free Press, 1995), p. 94.

Сам Дарвин в «Происхождении человека» обращает внимание на онтологический континуум между человеком и животными: «Человек со всеми его благородными качествами... с его богоподобным интеллектом, который проник в движение и структуру Солнечной системы, со всеми этими высокими способностями, человек все еще несет в своем теле несмываемую печать своего низкого происхождения»¹⁸. Это происхождение означает, что человек имеет общую родословную или общих предков не только с крупными обезьянами и им подобными существами, но и со всем живым. Дарвин пишет об «одной первобытной форме»¹⁹, давшей начало всякой жизни; возникла же она, по-видимому, «в каком-нибудь маленьком теплом пруду», как называет это сам Дарвин. Таким образом, жизнь *монофилетична*, то есть все живое имеет одну родословную. А потому Гулд сообщает нам, что «западному миру еще предстоит примириться с Дарвином и вытекающими из эволюционной теории следствиями... Величайшее же препятствие на пути к такому примирению – наша неготовность признать отсутствие разрыва между нами и природой и наше страстное желание отыскать некий критерий, который позволил бы нам настаивать на собственной уникальности»²⁰. Можно описать это так: в один прекрасный солнечный день некая супружеская пара вышла погулять с собакой, которую, что вполне разумно, супруги держат на поводке. Но если мы попробуем истолковать эти действия с дарвиновской точки зрения, то поймем, что нет никаких веских причин, которые не позволяли бы нам думать, что это не люди гуляют с собакой, а собака выгуливает людей. В самом деле, поводок узаконен единственно лишь временем: два человеческих существа имеют общего предка, менее удаленного во времени, нежели общий предок всей троицы – супругов и их собаки. Вся разница между ними – только в хронологии или генеалогии, а все остальные видимые различия – это лишь чисто номинальные добавления. Положение дел удачно резюмирует Джейрд Даймонд: «Представьте лишь следующую ситуацию: вы берете несколько нормальных людей, раздеваете их, отнимаете у них всю собственность, лишаете дара речи и – совершенно не изменяя их анатомию – доводите до состояния, когда они начинают хрюкать. Посадите их затем в клетку в зоопарке, рядом с клеткой, в которой находятся шимпанзе, и пусть в зоопарк придут на них посмотреть другие люди, вроде нас с вами – одетые и умеющие разговаривать. Так вот, в запертых в клетке людях посетители зоопарка увидели бы то, чем эти существа и являются в действительности, а именно шимпанзе, только прямоходящих и с

¹⁸ Charles Darwin, *The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex*, ed. Adrian Drammond and James Moore, 2nd ed. (London: Penguin Books, 2004), p. 689.

¹⁹ Charles Darwin, *On the Origin of Species, and Other Texts*, ed. Joseph Carroll (Peterborough, Ontario: Broadview Texts, 2003), p. 394. [См. рус. пер.: Чарлз Дарвин, *Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь*. Перевод с шестого издания (Лондон, 1872), СПб: Наука, 1991, с. 416.] Любопытно, что данная каузальная модель напоминает некоторые варианты неоплатонизма, в особенности – Плотина и Авиценну. См.: Conor Cunningham, *Genealogy of Nihilism: Philosophies of Nothing and the Difference of Theology* (London and New York: Routledge, 2002), chapter 1.

²⁰ Gould, *Ever Since Darwin*, p. 50.

минимумом растительности на теле»²¹. Поначалу такой вывод может нас смутить и даже показаться убедительным, и все же логика, порождающая подобные мнения и даже умозаключения, совершенно негодна, ибо в качестве аргумента здесь приводится то, что само нуждается в доказательстве. И, что еще важнее, логика эта по самой своей сути додарвинистская. Ибо нам следует немедленно спросить: можно ли опровергнуть это рассуждение таким образом, чтобы оно осталось дарвинистским? Иначе говоря, Даймонд произвольно устраняет то, что действительно дала нам эволюция, после чего заявляет, что таким образом он открывает нам настоящего «человека». В самом деле, включает ли в себя наше животное наследие язык – или он имеет иное происхождение? А значит, мы не можем здесь привередничать, подбирая себе по вкусу эволюцию – во всяком случае, не впадая при этом в противоречие. Или, если выразить это по-другому, Даймонд вынес за скобки эволюцию, взяв один исторический период и эссенциализировав его. Если бы дело должно было обстоять иначе, то нам бы здесь понадобилась какая-то форма особого творения, ведь Даймонд в своем рассуждении имплицитно исходит из предположения, что действительное, реальное различие должно быть сущностным – чем-то наподобие твердого, неразложимого ядра. Он его не находит и заключает, что никакого действительного, онтологического различия здесь нет. Ложность такого метода анализа и скрытый в нем эссенциализм обнаруживаются благодаря признанию наших животных предков наивысшей реальностью. В этом отношении ультрадарвинист напоминает фундаменталиста, который вынес из своих занятий в библейском колледже одно-единственное открытие – что Моисей мог и не быть действительным автором Пятикнижия (хотя это обстоятельство, казалось бы, и не должно никого особенно шокировать, поскольку Пятикнижие содержит рассказ о смерти самого Моисея!), после чего теряет веру. И однако он до конца своих дней остается фундаменталистом, так как ему никогда не приходит в голову подвергнуть сомнению ту первоначальную модель истины, которая полностью определяет его подход к реальности.

Земля и небо вовсе не отличаются по своей природе коренным образом – как не существует подобного различия ни между сознанием и материей, ни между человеком и животным. Более того, нет реального, нередуцируемого, онтологического различия между живыми, способными к интенциональности, существами и простой материей – что представляется нам чем-то вроде поразительной гипотезы. Фрэнсис Крик (один из первооткрывателей двойной спирали ДНК) так объясняет ее суть: «Поразительная гипотеза состоит в том, что вы, ваши радости и печали, ваши воспоминания и стремления, ваше чувство собственной личности и свободы воли – все это в действительности не более чем проявление деятельности огромного комплекса нервных клеток и связанных с ними молекул. Алиса Льюиса Кэрролла сказала бы так: «Вы просто мешок нейронов»²². С этим соглашается Карл Саган: «Я –

²¹ Jared Diamond, *The Rise and Fall of the Third Chimpanzee: How Our Animal Heritage Affects the Way We Live* (London: Radius, 1991), pp. 1-2.

²² Francis Crick, *The Astonishing Hypothesis: The Scientific Search for the Soul* (New York: Scribner, 1994), p. 3.

это совокупность воды, кальция и органических молекул по имени *Карл Саган*. Вы – почти точно такая же система молекул, только с иным коллективным ярлыком»²³. Другой первооткрыватель двойной спирали ДНК, Джеймс Уотсон, выражает это до-дарвиновское настроение еще точнее: «Есть только одна наука – физика, все остальное – социальная работа»²⁴. Боже, спаси биологию! В таком случае мы, несомненно, должны мыслить наш мир так: представьте, что вы входите в комнату, где на полу насыпаны маленькие кучки песка – пусть их будет шесть штук, и на каждой лежит листок бумаги с надписью: «Билл», «Сэлли», «Сьюзен» и так далее. Между тем мы не подвергались нашествию инопланетян, и никакой лазерный меч не превращал то, что имело некогда плоть и кровь, в столь непритязательную кучку. Нет, описанная ситуация имеет место сейчас, когда мы сидим в своих комнатах, и все различия между нами – обозначенные, так сказать, на этих ярлычках – имеют чисто номинальный характер. Таков, стало быть, постапокалиптический пейзаж – очевидный результат всеобщего расколдования, произведенного дарвиновской кислотой.

Но если мы произошли из «первичного бульона», а значит, имеем общих предков с человекообразными обезьянами, а также (более отдаленных во времени) – со всеми живыми существами, то как мы можем объяснить великое множество различий, которые очевидным образом обнаруживаются в природе? Как нам объяснить биогенез – от нашего серого вещества, с его математикой, физикой и искусством (не говоря уже о способности этого вещества придумать теорию эволюции) – до полета альбатроса, прыжка лягушки, укуса блохи или действия вирусов? Дарвин утверждает, что его теория как раз и выполняет задачу подобного объяснения, причем с ошеломляющей простотой. В самом деле, когда Томас Гексли (впоследствии известный как «бульдог Дарвина») впервые услышал о дарвиновской теории, его реакция была чрезвычайно характерной: «Как же я, глупец, сам до этого не додумался!»²⁵ Итак, что же конкретно представляет собой эта теория, которую с равной силой восхваляют и поносят?

В 1836 году Дарвин вернулся в Англию после пятилетнего плавания на корабле «Бигль». Ему было двадцать семь лет. Покидая Англию, он твердо верил в неизменность видов, в то, что они являются своего рода «типами» и имеют сущностные определения (кошка – это всегда не что иное, как кошка, а собака – всегда собака). Но к моменту возвращения на родину Дарвин уже отказался от подобного взгляда. Теперь он верил в «трансмутацию» – в то, что виды способны изменяться. И здесь он был не одинок. XIX век знал немало теорий эволюции, а теории трансмутации существовали всегда. Оригинальность Дарвина заключалась в представлении об эволюции видов и о том, как именно она происходит. В 1844 году эдинбургский издатель Роберт Чамберс опубликовал книгу «Следы естественной истории творения», в которой привел доводы в пользу трансмутации. Он предположил, что

²³ Carl Sagan, *Cosmos* (New York: Ballantine Books, 1980), p. 105.

²⁴ Цит. по: Steven Rose, *Lifelines: Biology, Freedom, Determinism* (London: Allen Lane, 1997), p. 8.

²⁵ См.: “On the Reception of the *Origin of Species* (1887)”, in *On the Origin of Species*, p. 627.

возникновение человека и прогресс цивилизации являются частью единого процесса развития Вселенной. «Провидению было угодно устроить мир таким образом, чтобы один вид давал начало существованию другого – пока из наивысшего из прежде появившихся видов не возник человек». Чамберс продолжает: «В человеческой природе – как у индивидов, так и у больших групп людей – можно проследить последовательные изменения, которые напоминают развитие. Подобный прогресс кажется нам лишь чем-то вроде минутной стрелки, тогда как часовая стрелка указывает на переход от одного вида к другому»²⁶. Свою работу Чамберс издал анонимно, что, вероятно, свидетельствовало о том, с какой болезненной остротой воспринимались тогда подобные предметы. Решение автора оказалось вполне благоразумным, ибо едва ли не все рецензенты встретили его книгу с откровенной враждебностью, доходившей до яростного негодования. Испуганный раздраженной реакцией критиков, Дарвин решил повременить с обнародованием собственных идей, хотя к 1842 году он уже изложил многие из них в виде краткого очерка, а в 1844 году (когда вышла книга Чамберса) подготовил еще один, более пространственный. Но вместо его публикации он занялся сбором новых доказательств в пользу своей теории. Дарвин настолько погрузился в эту работу, что потратил на нее следующие 14 лет. Весьма вероятно, что до обнародования ее результатов прошло бы еще больше времени, если бы не другой натуралист – Альфред Рассел Уоллес. Геолог Чарльз Лайель сообщил Дарвину, что Уоллесом написана статья «О законе, регулирующем появление новых видов». Уоллес защищал трансмутацию, доказывая, что новые виды возникли из старых. Это не заставило Дарвина обнародовать свои мысли, но побудило взяться за работу над собственной книгой «Происхождение видов» и вступить в переписку с Уоллесом. 18 июня 1858 года он получил от Уоллеса статью «О стремлении разновидностей бесконечно удаляться от первоначального типа»²⁷. В ней Уоллес писал, что «среди различных разновидностей, которые встречались в более ранних и не столь высокоорганизованных формах этих групп, дольше всех жили те, которые могли с наибольшей легкостью добывать себе пищу»²⁸. Это было, как минимум, очень похоже на собственные идеи Дарвина. И Дарвин сам это признал в письме к своему другу Чарльзу Лайелю: «Если бы Уоллес имел мой рукописный очерк 1842 года, он не смог бы составить лучшего извлечения!»²⁹ Это, наконец, побудило Дарвина взяться за публикацию книги; вдобавок (и здесь обстоятельства были более драматическими) он, через Лайеля, добился того, что 1 июля 1858 года в Линнеевском обществе была прочитана статья Уоллеса. На том же заседании были оглашены письмо, отправленное Дарвином гарвардскому профессору Аза Грею в сентябре 1857 года, а также

²⁶ Robert Chambers, *Vestiges of the Natural History of Creation* (1844, reprint, edited by James Secord, Chicago: University of Chicago Press, 1994), p. 191.

²⁷ Статью Уоллеса см: Darwin, *On the Origin of Species*, pp. 610-618.

²⁸ Darwin, *On the Origin of Species*, p. 617.

²⁹ *The Life and Letters of Charles Darwin, Including an Autobiographical Chapter*, ed. Francis Darwin, 2 vols. (New York: Appleton, 1887; reprint, New York: Basic Books, 1959), 1:473.

несколько страниц из рукописи 1844 года. Так Дарвин защитил свой приоритет. Следует, однако, отметить, что их обоих – и Дарвина, и Уоллеса – опередил некто Патрик Мэтью, хотя и довольно дилетантским образом³⁰. Любопытно, что в ежегодном докладе Линнеевского общества за 1858 год можно прочесть: «Истекший год не ознаменовался ни одним из тех поразительных открытий, которые, если можно так выразиться, революционизируют соответствующие отделы науки». Вот и все относительно «универсальной кислоты»!

Что еще, кроме идеи изменения видов, заключала в себе эта теория, приоритет на которую Дарвин стремился защитить? Так случилось, что одним из главных стимулов к ее созданию стало знакомство Дарвина в 1838 году с книгой одного духовного лица – «мрачного пастора» Томаса Мальтуса – «Опыт закона о народонаселении в связи с будущим совершенствованием общества». Мы говорим «случилось», поскольку эта книга направила примерно в ту же сторону и мысли Уоллеса. В своей автобиографии Дарвин рассказывает об этом так: «...Спустя пятнадцать месяцев после того, как я приступил к своему систематическому исследованию, я случайно, для развлечения прочитал книгу Мальтуса “О народонаселении”, и так

³⁰ В 1831 году в книге о корабельном лесе Патрик Мэтью опубликовал небольшую статью, в которой использовалась идея естественного отбора. В письме Дарвина к Лайелю читаем: «В последнем субботнем номере “Гарденерз Кроникл” некий м-р Мэтью напечатал пространное извлечение из своей книги “О корабельном лесе и древоведении”, вышедшей в 1831 году, в которой он в краткой форме, но, по сути, полностью предвосхитил теорию естественного отбора. Я выписал эту книгу, поскольку некоторые места в статье довольно темны; несомненно, однако, что это полное, хотя и не разработанное в деталях предвосхищение! Впрочем, можно извинить того, кто не заглянул в книгу о корабельном лесе, чтобы обо всем этом узнать. (Письмо Дарвина к Чарльзу Лайелю от 10 апреля 1860 г.) А вот отрывок из статьи Мэтью: «Так как природа, видоизменяя живые существа, всякий раз способна произвести гораздо больше того, что требуется для восполнения разрушенного действием Времени, то особи, не обладающие необходимой силой, быстротой, выносливостью или ловкостью, погибают, не оставив после себя потомства – либо становясь добычей тех существ, для которых они служат естественным пропитанием, либо умирая от болезней, обыкновенно вызываемых недостатком пищи, – а их место занимают более совершенные представители того же вида, более удачливые в борьбе за средства к существованию». Мог ли естественный отбор создавать новые виды? Мэтью полагает, что это было возможно. «В этом непрерывном сообразовании всего живого с внешними обстоятельствами обнаруживается больше красоты и единства замысла, больше согласия с очевидными для нас законами природы, нежели в полном истреблении и новом творении. Невероятно, чтобы существенная часть этого разнообразия происходила из смешения близкородственных видов, ибо все изменения, произведенные этой причиной, весьма незначительны и происходят в пределах границ того, что называется видом, тогда как потомки одних и тех же родителей, обитая в существенно несходных условиях, могли через несколько поколений даже превратиться в разные виды, неспособные к взаимному оплодотворению». «Корабельный лес и древоводство» (1831). Вот ответ Дарвина: «Я откровенно признаю, что м-р Мэтью на много лет предвосхитил объяснение происхождения видов, предложенное мною и названное теорией естественного отбора. Никто, полагаю, не удивится тому, что ни я, ни, по-видимому, никакой другой натуралист ничего не слышал о взглядах м-ра Мэтью – если принять в расчет, что они были изложены в чрезвычайно краткой форме и появились в приложении к труду о корабельном лесе и древоводстве. Я могу лишь принести м-ру Мэтью свои извинения за то, что пребывал в совершенном неведении относительно его публикации». C.R. Darwin, “Natural Selection”, *Gardeners’ Chronicle and Agricultural Gazette* no. 16 (April 21, 1860): 362-363. См.: W.J. Dempster, *Evolutionary Concepts in the Nineteenth Century: Natural Selection and Patrick Matthew* (Durham: Pentland Press, 1995).

как благодаря продолжительным наблюдениям над образом жизни животных и растений я был хорошо подготовлен к тому, чтобы оценить [значение] повсеместно происходящей борьбы за существование, меня сразу поразила мысль, что при таких условиях благоприятные изменения должны иметь тенденцию сохраняться, а неблагоприятные – уничтожаться. Результатом этого и должно быть образование новых видов. Теперь, наконец, я обладал теорией, при помощи которой можно было работать»³¹. Дарвин начал смотреть на природу сквозь призму мальтузианства, и вот что он увидел: «Лик природы представляется нам радостным, мы часто видим избыток пищи; мы не видим или забываем, что птицы, которые беззаботно расппевают вокруг нас, по большей части питаются насекомыми и семенами и, таким образом, постоянно истребляют жизнь. Такая война идет между насекомым и насекомым, а также у насекомых, улиток и других животных – с птицами и хищниками: все они стремятся размножиться, все питаются друг другом или же деревьями, или их семенами и проростками, или же другими растениями, которые прежде покрывали поверхность земли и тем препятствовали росту деревьев»^{32*}. Дарвин прямо нам говорит, какова причина подобной войны:

Борьба за существование неизбежно возникает из-за большой скорости, с которой все органические существа имеют тенденцию увеличивать свою численность. Каждое существо, в течение своей жизни производящее несколько яиц или семян, должно подвергаться уничтожению в каком-нибудь возрасте своей жизни, в какое-нибудь время года или, наконец, в определенные годы, иначе в силу принципа возрастания в геометрической прогрессии численность его быстро достигла бы таких огромных размеров, что ни одна страна не могла бы вместить его потомство. Потому, так как производится более особей, чем может выжить, в каждом случае должна вестись борьба за существование либо между особями того же вида, либо между особями различных видов, либо с физиче-

³¹ Darwin, *On the Origin of Species*, p. 438. [См. рус. пер.: Чарлз Дарвин, *Воспоминания о развитии моего ума и характера (автобиография). Дневник работы и жизни*, М.: АН СССР, 1957, с. 128-129.] Едва ли, однако, можно сомневаться в том, что в этой идее отразилась социальная среда Дарвина. Как пишет Дэниел Тоудс, «в представлении Дарвина о борьбе за существование «нет ничего удивительного», поскольку Дарвин разделял идеологические установки своего класса, своего круга и своей семьи, и данная терминология позволяет отнести автора к буржуазным мальтузианцам или, пожалуй, к типичным британцам» Daniel Toads, *Darwin without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought* (Oxford: Oxford University Press, 1989), p. 13. А значит, нам не следует удивляться, если русские ученые той эпохи больше склонялись к идее «взаимопомощи» Петра Кропоткина. См.: Peter Kropotkin, *Mutual Aid: A Factor of Evolution* (London: William Heinemann, 1902; reprint, London: Freedom Press, 1987). [П.А. Кропоткин, *Взаимопомощь как фактор эволюции*, М.: «Самообразование», 2007, с. 240.]

³² Darwin, *On the Origin of Species*, p. 133.

* В русском издании данный отрывок выглядит следующим образом: «Лик природы представляется нам радостным, мы часто видим избыток пищи; мы не видим или забываем, что птицы, которые беззаботно расппевают вокруг нас, по большей части питаются насекомыми и семенами и, таким образом, постоянно истребляют жизнь; мы забываем, как эти певцы или их яйца и птенцы в свою очередь пожираются хищными птицами и зверями; мы часто забываем, что если в известное время пища имеется в изобилии, то нельзя сказать того же о каждом годе и о каждом времени года» (Чарлз Дарвин, *Происхождение видов путем естественного отбора*, указ. соч., с. 66). По-видимому, текст, приводимый автором, основывается на другом прижизненном издании «Происхождения видов».

скими условиями жизни. Это – учение Мальтуса, с еще большей силой примененное ко всему животному и растительному миру...³³

Несомненно, идея Томаса Гоббса о *bellum omnium contra omnes* получила здесь самое широкое применение.

Для иллюстрации идеи роста в геометрической прогрессии и желая сообщить этому понятию известную риторическую силу, Дарвин использует пример слона, поскольку тогда считалось, что именно слоны размножаются медленнее всех животных. Но, по собственным расчетам Дарвина, от одной-единственной пары по истечении 500 лет произошло бы 15 миллионов слонов. Кажется, будто на нас неотвратно надвигается некий страшный поток, и это ощущение сопровождается чувством постоянной угрозы или опасности (подобная риторика присутствует ныне в дискуссиях о проблеме иммиграции). Сам Дарвин пишет об этом так: «Вглядываясь в природу, мы никогда не должны... забывать, что каждое единичное органическое существо, можно сказать, напрягает свои силы, чтобы максимально увеличить свою численность; что каждое из них живет, выдерживая борьбу в каком-нибудь возрасте своей жизни; что жестокое истребление неизбежно обрушивается на старого или молодого в каждом поколении или через повторяющиеся промежутки. Облегчите то или иное препятствие, смягчите хотя бы незначительно истребление, и численность вида почти молниеносно возрастет до любых размеров. Лик природы можно сравнить с податливой поверхностью, в которую беспрестанными ударами вбиваются десять тысяч расположенных вплотную клиньев, причем то на один, то на другой из них удары эти обрушиваются с особой силой»³⁴. Этот несколько пугающий образ вызывает у нас представление о повсеместной конкуренции и борьбе, ибо все существа сражаются между собой, действуя в условиях, фундаментальной характеристикой которых является недостаток ресурсов. Таков дарвиновский эквивалент первого закона Ньютона, столь удачно именуемого «законом инерции» и означающего, что равномерно движущееся тело имеет свойство оставаться в состоянии движения, если на него не действуют внешние силы³⁵. Это не имеет никакого отношения к дарвинизму, однако у Дарвина есть собственная, аналогичная версия такого закона, а именно инерционная тенденция организмов к максимальному – насколько позволяют наличные ресурсы – размножению. Это постоянное напряжение и движет вперед машину дарвиновской теории. Ибо подобное стремление реализует описанную идею все глубже забиваемых клиньев, которая помогает нам понять, каким образом такая

³³ Ibid., p. 134. [Дарвин, 1991, с. 67.]

³⁴ Ibid., p. 136. [Дарвин, 1991, с. 69; последняя фраза (начиная со слов «Лик природы...») в указанном издании отсутствует.]

³⁵ См.: Timothy Shanahan, *The Evolution of Darwinism: Selection, Adaptation, and Progress in Evolutionary Biology* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004), p. 19. См. также: David Depew and Bruce Weber, *Darwinism Evolving: Systems Dynamics and the Genealogy of Natural Selection* (Cambridge: MIT Press, a Bradford Book, 1995), p. 120.

деятельность создает нечто новое. Ясно, что речь здесь идет об улучшении, совершенствовании, изменении, жестокой необходимости найти иной образ действий или погибнуть, а если не погибнуть, то понести урон в своей эволюционной приспособленности. Иначе говоря, здесь ставится вопрос о репродуктивном потенциале – или, проще, о конкуренции между представителями одного и того же вида и остальными живыми существами, стремящимися произвести на свет как можно больше потомства. Кстати, идею приспособленности можно заметить и в британском сленге, свидетельством чему – не слишком деликатное выражение «Она – подходящая птичка», без конца звучащее субботними вечерами в любом баре, атмосфера которого насквозь пропитана эротизмом. Решающим же моментом оказывается здесь то, что подобная деятельность имеет место внутри одной и той же природы, а значит, в одном и том же пространстве. Ведь тут не требуется выходить за пределы природы и искать какое-то новое место; все, если можно так выразиться, постоянно «вертится на месте»; таким образом, этот процесс создает новые экологические ниши, охватывая новые аспекты той же самой природы – феномен, который называют «эффектом Красной Королевы», по имени одного из персонажей «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла³⁶. «Приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте» – говорит Королева. А Дарвин пишет так:

Если в продолжение долгих веков и при меняющихся условиях жизни органические существа представляют индивидуальные различия почти в любой части своей организации, а это оспаривать невозможно; если в силу геометрической прогрессии возрастания численности ведется жестокая борьба за жизнь в любом возрасте, в любой год или время года, а это, конечно, неоспоримо; если вспомнить бесконечную сложность отношений органических существ (как между собой, так и к их жизненным условиям), в силу которых бесконечное многообразие строения, конституции и привычек полезно для этих существ; если принять все это во внимание, то крайне невероятно, чтобы никогда не встречались вариации, полезные каждому существу для его собственного благополучия, точно так же, как встречались многочисленные вариации, полезные для человека. Но если полезные для какого-нибудь органического существа вариации когда-либо встречаются, то особи, характеризующиеся ими, конечно, будут обладать наибольшей вероятностью сохранения в борьбе за жизнь, а в силу строгого принципа наследственности они обнаружат склонность производить сходное с ними потомство. Этот принцип сохранения, или выживания наиболее приспособленного, я и назвал, для краткости, Естественным отбором»³⁷.

Но, согласно Дарвину, естественный отбор не просто сохраняет. Сохраняя, он в то же время облегчает и поощряет развитие и диверсификацию. И делает он это слепо, хоть моделью его и считалась деятельность селекционеров (т. е. искус-

³⁶ См.: Leigh van Valen, "New Evolutionary Law", *Evolutionary Theory* 1 (1973): 1-30.

³⁷ Darwin, *On the Origin of Species*, p. 175. [Дарвин, 1991, с. 115-116; в первой фразе этого отрывка в русском издании пропущены слова «в продолжении долгих веков и», а последняя фраза выглядит следующим образом: «Этот принцип сохранения, или выживания наиболее приспособленного, я назвал Естественным отбором».]

ственный отбор). Ведь именно из области селекционного выведения голубей с целью получения желательных свойств и почерпнул Дарвин аналогию, согласно которой естественный отбор «ведет также к дивергенции признака, потому что чем более органические существа дивергируют в строении, привычках и конституции, тем большее их число может просуществовать на данной территории... Следовательно, в процессе модификации потомства одного какого-нибудь вида и в процессе непрерывного напряжения сил всех видов для повышения своей численности вероятность успеха у потомков в их жизненных столкновениях будет тем больше, чем более многообразными они будут становиться. Таким образом, малые различия, отличающие разновидности одного вида, постоянно склонны разрастись до размеров больших различий между видами одного рода и даже до родовых различий»³⁸. Все это происходит на временной шкале, созданной новой геологией эпохи Дарвина, которая утверждает, что наш мир имеет громадный возраст, а вовсе не тот, который приписывал ему некогда архиепископ Ашер (1581 – 1656). В 1654 году Ашер произвел соответствующие исчисления и пришел к ошибочному выводу, что Земля была сотворена 23 октября 4004 г. до Р. Х.³⁹

Следовательно, естественный отбор подразумевает небольшие, но существенные вариации, а также сильный принцип наследственности. О генетике, в ту пору еще не открытой, Дарвин, конечно, понятия не имел⁴⁰. Однако сильный принцип наследственности – который играет у Дарвина решающую роль (сам Дарвин называл его «связующей нитью» своей теории), – еще при жизни Дарвина встретил энергичные возражения со стороны Флеминга Дженкина, физика и инженера из Университета Глазго. Дженкин доказывал, что любые могущие быть унаследованными признаки рано или поздно будут «поглощены болотом» обычных признаков в результате дальнейших скрещиваний в последующих поколениях. Цитата из Дженкина проиллюстрирует этот взгляд, а заодно познакомит нас с некоторыми ходами мысли викторианской культуры: «Представим себе белого человека, потерпевшего кораблекрушение и попавшего на остров, населенный неграми... Предположим, что он обладает всеми преимуществами, какие только, по нашему мнению, способен иметь белый человек над туземцами. ...Однако из всех этих допущений отнюдь не следует вывод, будто по прошествии определенного или неопределенного числа поколений обитатели этого острова превратятся в белых людей. Наш потерпевший кораблекрушение герой, возможно, станет у них царем, убьет множество чернокожих в борьбе за существование, заведет себе много жен и детей... Но этого окажется недостаточно для того, чтобы потомки его подданных в каком-

³⁸ Ibid., p. 175. [Дарвин, 1991, с. 116.]

³⁹ См. чрезвычайно любопытную работу об Ашере: Alan Ford, *James Ussher: Theology, History, and Politics in Early-Modern Ireland and England* (Oxford: Oxford University Press, 2007).

⁴⁰ Термин «генетика» был предложен Уильямом Бейтсоном (1861 – 1926) в письме к Генри Седжвику: «Такое слово очень нужно, и если бы было позволено создать его, то подошло бы слово “генетика”». См. William Bateson, F.R.S., *Naturalist: His Essays and Addresses Together* (Cambridge: Cambridge University Press, 1928), p. 93.

либо из последующих поколений стали белыми»⁴¹. Оставляя в стороне отталкивающий тон (который, впрочем, сам дарвинизм не мог, так сказать, «расслышать»), следует все же признать: Дарвин не знал, каким образом можно объяснить то, что называют «жестким наследованием», то есть наследование фенотипических (телесных, физических) признаков, например, длинных и острых зубов – в отличие от «мягкого наследования», то есть воспроизведения какой-то модели поведения или реакции на действие внешней среды. Дарвин, правда, рассуждал о «гранулах» или «геммулах» – по его мнению, они несли в себе репродуктивную информацию, которую он называл «пангенезисом» – но по-настоящему это доказать он в ту эпоху просто не имел возможности. Можно, пожалуй, сказать, что дарвинизм оставался неудовлетворительной теорией, пока не вступил в союз с генетикой моравского монаха Георга Менделя (1822 – 1884) – и здесь выводам науки пришлось в определенном смысле дожидаться верификации. Вот как описывает свою «эмбриональную» теорию сам Дарвин:

Вообще допускают, что клетки, или единицы тела, размножаются делением или разрастанием, сохраняя ту же природу, и что они в конце концов превращаются в разные ткани и вещества тела. Но я предполагаю, что кроме этого способа размножения, единицы отделяют от себя мельчайшие крупинки (гранулы), которые распределены по всей системе... Эти крупинки можно назвать геммулами. Они собираются из всех частей системы для построения половых элементов, и их развитие в следующем поколении создает новое существо, но они также могут передаваться в состоянии покоя будущим поколениям и развиваться в них... Таким образом, новые организмы производятся не органами размножения или почками, а единицами, из которых состоит каждая особь. Эти предположения составляют временную гипотезу, которую я назвал пангенезисом⁴².

Дарвин ясно сознавал умозрительный характер идеи пангенеза, но по-прежнему твердо верил в ее правильность. 23 февраля 1868 года он писал Джозефу Гукеру: «Вы сочтете меня слишком самоуверенным, когда я скажу, что нисколько не сомневаюсь в том, что пангенез, даже если теперь он явился на свет мертворожденным, когда-нибудь в будущем, благодаря Богу, появится вновь, от какого-то другого отца и нареченный каким-то другим именем»⁴³.

Изменения происходят в контексте борьбы за скудные ресурсы и становятся причиной возникновения новых видов. От кота до кита – оба они имеют, в конечном счете, общих предков, – вопрос лишь в том, чтобы обратиться достаточно далеко в прошлое (в случае кота и кита – чрезвычайно далеко). Но, что еще важнее, эти незначительные, но существенные преимущества порождают известные сдвиги с точки зрения борьбы за существование. Следует подчеркнуть, что такие сдвиги являются в определенном смысле непредсказуемыми, ибо мы не можем

⁴¹ Fleeming Jenkin, review of “The Origin of Species”, *North British Review* 46 (June 1867): 290.

⁴² Charles Darwin, *The Variation of Animals and Plants under Domestication*, 2 vols. (New York: Orange Judd, 1868; reprint, Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998), 2: 457 (цитируется по первоначальному изданию). См. также Darwin, *The Descent of Man*, p. 264.

⁴³ *Life and Letters of Charles Darwin*, 2:261.

знать заранее, окажется ли та или иная вариация полезной. Вдобавок, изменение может быть вначале настолько незначительным, что останется незаметным до того момента, когда будет унаследовано в более развитой и расширенной форме – расширенной по сравнению с организмом, в котором это небольшое различие обнаружилось впервые. Как говорит сам Дарвин, «особей рождается больше, чем их способно выжить. Крохотная песчинка, брошенная на чашу весов, определяет, какая из особей останется жить, а какая умрет, которая из разновидностей данного вида увеличится в числе, а которая уменьшится или даже совершенно вымрет»⁴⁴. Таким образом, понятие «вымирания» убедительно доказывает, что за дарвиновской трактовкой борьбы за существование стоял мощный мальтузианский импульс. Ведь покоящиеся ныне под земной корой останки вымерших существ свидетельствуют, что представители соответствующих видов оказались некогда неспособными поддержать и продолжить свое существование. Они могли жить хоть миллионы лет, но здесь, как и в случае со всеми конечными вещами (конечными с точки зрения объяснения), совершенно неважно, как долго просуществовали эти виды – миллионы лет или несколько тысяч лет (чего так и не понял Докинз).

Дарвин мыслил естественный отбор по аналогии с селекционным выведением. Нам также известно, что на него повлияла Ньютонова система, и он, вероятно, стремился построить подобную же теорию для живого мира, иначе говоря, перейти границу, которую точные науки до той поры еще не пересекали. Кроме того, сильное воздействие на Дарвина оказало, как еще один источник аналогий, творчество Адама Смита, чье «Богатство народов» (1776)⁴⁵ само являлось в некотором смысле попыткой создать ньютоновскую теорию экономики⁴⁶. При сравнении здесь обнаруживается сходство в трех моментах. Во-первых, мы находим у Смита глубокое уважение к заботе человека о собственных интересах, о личной выгоде: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов – дешево покупать и дорого продавать» (книга 1, глава 2). Во-вторых, эта забота о собственных интересах может существовать и находить выражение лишь в таком мире, который состоит из индивидов, а не групп. В-третьих, Смитова «невидимая рука», как нас уверяют, способна, если ей не мешать, привести экономику в равновесие и обеспечить ей процветание – именно она, «невидимая рука», а не мы или правительства, и должна всем «командовать» (отсюда его призыв к политике *laissez-faire*, к невмешательству государства в хозяйственную деятельность).

⁴⁴ *Life and Letters of Charles Darwin*, 2:384.

⁴⁵ См.: Sylvan S. Schweber, "The Wider British Context in Darwin's Theorizing", in *The Darwinian Heritage*, ed. David Kohn (Princeton: Princeton University Press, 1985), pp. 35-71.

⁴⁶ Как справедливо отмечают Дипью и Уэбер, «Смит нуждался в такой экономической теории, которая работала бы, как астрофизика Ньютона, и в «Богатстве народов» (1776) он ее создал. В этой теории себялюбие, которому традиция ставила в вину развращение человеческих нравов и искажение естественных цен, оказывалось одновременно и движущей, и стабилизирующей силой экономической деятельности». Depew and Weber, *Darwinism Evolving*, p. 116.

В том, что дарвиновская теория естественного отбора опиралась на принцип эгоизма видов, их заботы о собственных интересах, мы уже убедились. Кроме того, подобно Смиту, Дарвин (или, во всяком случае, дарвинизм) принял онтологию, постулировавшую существование единственно лишь индивидов. Дипью и Уэбер поясняют: «Сдвиг в сторону индивидуалистической онтологии сильно способствовал осуществлению ньютоновской программы Дарвина. Если первичной реальностью признавались конкурирующие между собой индивиды, то Дарвин получал возможность отказаться от эссенциалистских предпосылок классической и неоклассической биологии»⁴⁷. Данный шаг облегчался использованием номиналистической эпистемологии, по-видимому, усвоенной Дарвином у шотландского философа Давида Юма⁴⁸. Номиналистическая эпистемология, если совсем просто, подразумевает, что единственные вещи, которые мы способны знать, а следовательно, считать реальными, это индивиды. Действие естественного отбора поразительным образом напоминает работу «невидимой руки», ведь он отбирает победителей и уничтожает проигравших в «экономике» борьбы за существование, и Гулд совершенно справедливо пишет, что дарвинизм есть «экономика Адама Смита, перенесенная на природу»⁴⁹. А потому Дарвин называет естественный отбор «силой, постоянно готовой действовать», после чего описывает ее действие еще более выразительно: «Можно сказать, что естественный отбор ежедневно и ежечасно расследует по всему свету мельчайшие вариации, отбрасывая дурные, сохраняя и слагая хорошие, работая неслышно и незаметно, где бы и когда бы ни представился к тому случай, над усовершенствованием каждого органического существа по отношению к условиям его жизни, органическим и неорганическим»⁵⁰. В данном пункте Дарвин расходится с Альфредом Уоллесом, другим первооткрывателем естественного отбора, который понимал его скорее как механизм, устраняющий лишнее, а не как мощную, всепроникающую силу, какой его представлял Дарвин.

⁴⁷ Depew and Weber, *Darwinism Evolving*, p. 117.

⁴⁸ См.: Depew and Weber, *Darwinism Evolving*, p. 139.

⁴⁹ Gould, *Ever Since Darwin*, p. 13. О том же у Дипью и Вебера: дарвинизм – это «политическая экономия, вписанная в биологию» (*Darwinism Evolving*, p. 128). «Существует, несомненно, очевидная связь между учением Дарвина и диким, живущим по волчьим законам капитализмом» (George Levine, *Darwin loves you: Natural Selection and the Re-enchantment of the World* [Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006], p. 10); и снова: «Биологические новации Дарвина находились в полной гармонии с продвинутой либеральной мыслью. Именно это и сделало их влияние неотразимым. Наконец, Дарвин описал механизм, совместимый с фритредерскими, основанными на принципе свободной конкуренции идеалами крайних выгов» (Adrian Desmond and James Moore, *Darwin: The Life of a Tormented Evolutionist* [New York: Warner Books, 2001], p. 267). И последнее: «Мальтузианские прозрения вместе с этосом среднего класса играли определяющую роль в становлении его теории» (Adrian Desmond and James Moore, eds., *The Descent of Man*, by Charles Darwin, 2nd ed. [1874; London: Penguin Books, 2004], p. vi). См. также: Sylvan S. Schweber, “Darwin and the Political Economist: Divergence of Character”, in *Journal of the History of Biology* 13 (1980): 195-289. Недавно политические правые вновь обнаружили желание привлечь Дарвина в свои ряды; см.: Larry Arnhart, *Darwinian Conservatism* (Exeter and Charlottesville, Va.: Imprint Academic, 2005), а также Carson Holloway, *The Right Darwin? Evolution, Religion, and the Future of Democracy* (Dallas: Spence, 2006).

⁵⁰ Darwin, *On the Origin of Species*, p. 146. [Дарвин, 1991, с. 81.]

А значит, Дарвинова трактовка эволюции (по крайней мере, согласно «обще-принятому взгляду») приводит к заключению, что никаких видов в природе не существует, ведь Дарвин, как нам известно, использовал индивидуалистическую онтологию, антиэссенциалистскую в самой своей основе. Иными словами, он не считал, что виды имеют некую сущность, поддающуюся точному определению, например, «кот – это *x*». Маргарет Тэтчер однажды заявила, что нет такой вещи, как общество, а есть только индивиды – точно так же и Дарвин приходит к аналогичному выводу в отношении видов. «Мы будем относиться к видам таким же образом, как относятся к родам те натуралисты, которые допускают, что роды – только искусственные комбинации, придуманные ради удобства»⁵¹. Для Дарвина вид – это, грубо говоря, группа особей, способных к интербридингу и имеющих общее происхождение, а точнее – находящихся на примерно одинаковой временной дистанции от общего предка. Сказанное относится к *аллопатрическому* видообразованию (от *allos* – «другой», и *patra* – «отечество») ⁵². Что всего важнее, такая установка подразумевает (или нам кажется, что подразумевает) весьма радикальные выводы, ибо она в буквальном смысле историзирует виды, и из нее следует, что, к примеру, кот – это лишь случайный, исторический ряд поколений.

Именно здесь Дарвин расходится с другой значительной фигурой – Жаном-Батистом Пьером Антуаном де Моне шевалье де Ламарком (1744 – 1829), который также считал виды чисто номинальными сущностями и приводил доводы в пользу трансмутационизма. Окружающая среда, полагал Ламарк, способна изменять живое существо – через те требования, которые предъявляют к организму его обычные нужды. Если, например, для того чтобы добыть себе пищу, вам нужно дотягиваться до верхушек деревьев, то ваша шея постепенно станет длинной, как у жирафа (такого рода новые нужды или потребности именовались *besoin*). Ламарк толковал этот процесс как наследование приобретенных свойств. В наше время

⁵¹ Darwin, *On the Origin of Species*, p. 393. [Дарвин, 1991, с. 417.] На наш взгляд, наиболее удачную интерпретацию дарвиновского понимания того, что такое виды, можно найти в работе: David Stamos, *Darwin and the Nature of Species* (Albany: State University of New York Press, 2007).

⁵² Но существует также и *симпатрическое* видообразование, когда новые виды возникают рядом со старыми. Феодосий Добжанский определил вид как «такую стадию эволюционного процесса, на которой из одного ряда форм, действительно скрещивающихся между собой или потенциально способных к скрещиванию, выделяются два или три особых, изолированных множества, физически не способных к скрещиванию». Dobzhansky, *Genetics and the Origin of Species*, 1st ed. (New York: Columbia University Press, 1937), p. 312. Впоследствии к такому представлению о видах возвратился Эрнст Майр, назвавший его «понятием биологического вида»; см.: Ernst Mayr, “Prologue: Some Thoughts on the History of the Evolutionary Synthesis”, in *Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology*, ed. William Provine and Ernst Mayr (Cambridge: Harvard University Press, 1980), p. 34. Теория Майра не всем кажется убедительной, как это явствует из замечаний Бунге и Манера: «Предложенное Майром понятие биовида применимо лишь к организмам, размножающимся половым путем. Отсюда следует, что бесполое организмы не могут принадлежать к какому-либо виду вообще, и мы получаем организмы, не относящиеся ни к какому виду. Но это не только противоречит биологической реальности, но и ясно указывает на лежащую в основе данной теории номиналистическую философию, которая предает анафеме любые свойства». Mario Bunge and Martin Mahner, *Foundations of Biophilosophy* (Berlin and Heidelberg: Springer, 1997), p. 256.

подобная теория может показаться немного забавной, но она оставалась в силе вплоть до появления работ Августа Вейсмана⁵³. Он разделил генетический материал на гермоплазму и сомю; первая – бессмертна, последняя же, которая и есть тело как таковое, погибает (что-то очень похожее на орфическое представление о теле как о темнице души: *soma – seta*)⁵⁴. Следовательно, фенотипы (тела) никогда не повторяются; наши тела полностью и совершенно уникальны, и нос Сократа появился на земле один-единственный раз⁵⁵. Однако генотипы могут повторяться. Такая трактовка побуждает некоторых эволюционистов (вроде Докинза) членить биологический мир на репликаторы и носители, а именно гены и тела⁵⁶. Это разделение на зародыш и сомю приводит к так называемому «барьеру Вейсмана», лежащему в основе того, что известно нам как «центральная догма» молекулярной, генетической биологии: информация передается от ДНК к белку, но никогда – от белка к ДНК. Вот как пишет об этом Крик: «Это означает, что если “информация” вошла в белок, она уже не сможет из него выйти. Или, конкретнее: переход информации от нуклеиновой кислоты к нуклеиновой кислоте или от нуклеиновой кислоты к белку может иметь место, тогда как переход информации от белка к белку или от белка к нуклеиновой кислоте невозможен»⁵⁷. Здесь нам важно уяснить, что Дарвин, в отличие от Ламарка, встал на путь филогении – что, если совсем просто, означает последовательные изменения, имеющие место в ряде поколений – в противоположность онтогении (этого принципа держался Ламарк), подразумевающей ряд изменений, которые происходят в организме индивида⁵⁸. Тогда почему данная особь жирафа имеет длинную шею? Альфред Уоллес так излагает позицию Дарвина: «Жираф приобрел такую шею... не потому, что постоянно ее вытягивал, но потому, что любые встречавшиеся среди его предков разновидности с более длинной, чем обычно, шеей немедленно получали – на той же местности – новый участок пастбища, недоступный для их товарищей с шеей покороче, благодаря чему, как только наступали скудные времена, они могли пережить дру-

⁵³ Англоязычный мир смог познакомиться со взглядами Вейсмана благодаря переводу его произведений в сборнике *Essays upon Heredity and Kindred Biological Problems* (1889). Но в гораздо большей степени распространению его идей способствовала публикация статьи “The All-Sufficiency of Natural Selection: A Reply to Herbert Spencer”, *Contemporary Review* 64 (1893): 309-38 и 596-610.

⁵⁴ См.: Hans Jonas, *The Phenomenon of Life: Toward a Philosophical Biology* (Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 2001), p. 13.

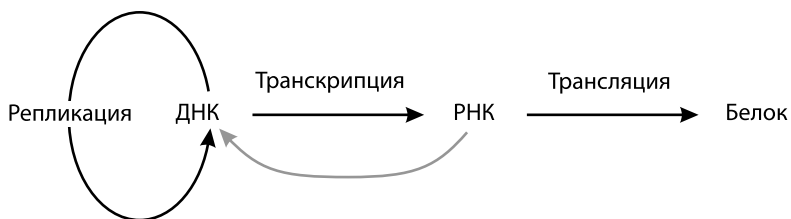
⁵⁵ К «носам» я еще вернусь в следующей главе, в порядке иллюстрации действительно нередуцируемого отношения.

⁵⁶ Термины «генотип» и «фенотип» ввел Вильгельм Иогансен в 1909 и 1911 гг. См. “The Genotype Conception of Heredity”, *American Naturalist* 45, no. 531 (March 1911): 129-159.

⁵⁷ Francis Crick, “On Protein Synthesis”, цит. по: *Genes in Development: Rereading the Molecular Paradigm*, ed. Eva Neumann-Held and Cristoph Rehmann-Sutter (Durham, N.C., and London: Duke University Press, 2006), p. 79.

⁵⁸ Термины «онтогенез» и «филогенез» придумал Эрнст Геккель (1834 – 1919). Кстати, он же изобрел термин «экология».

Центральная догма молекулярной биологии

Транскрипция осуществляется **РНК-полимеразой**

Трансляция происходит на **рибосомах**

Репликация осуществляется **ДНК-полимеразой**

Обратная транскриптаза копирует РНК в ДНК

Рис. 2. Центральная догма гласит: информация переходит только в одном направлении, ДНК → РНК → белок, а значит, никогда от белка к ДНК или от РНК к ДНК. По-видимому, данная «догма» подразумевала простую картину каузальности, где на вершине стоит ДНК. Впрочем, этот тезис уже не считается неизблемым, и его значимость, мягко говоря, сильно упала. Например, открытие ретровирусов, включающее открытие обратной транскриптазы, продемонстрировало, что РНК передает информацию ДНК и что «информация» передается также другими способами, например, посредством вероятностного эпигенеза. Более того, представляется невероятно трудным, если не совершенно невозможным, даже перейти от ДНК к структуре белков (например, проблема сворачивания белка кажется почти неразрешимой). И, наконец, само слово «информация» есть лишь метафора, порой не слишком осмысленная, чтобы не сказать – совершенно бессмысленная. В общем, в молекулярной биологии отсутствует ясное определение «информации», а значит, описанная выше «догма» сильно сбивает нас с толку.

гих жирафов»⁵⁹. Итак, этот жираф получил длинную шею, потому что унаследовал гены длинной шеи. А почему все жирафы – как вид – имеют длинную шею? Потому, полагает Дарвин, что в прошлом особи жирафов с длинной шеей имели больше шансов выжить, а значит, могли размножаться успешнее, чем их конкуренты⁶⁰. Этот филогенетический подход (апеллирующий единственно лишь к ряду поколений) укрепляет представление об исторически сложившейся природе видов, а это, в свою очередь, означает, что над всем господствует изменение. Или, если выразить это по-другому, реально лишь изменение (каким бы медленным в нашей временной перспективе оно ни казалось), тогда как устойчивость есть иллюзия, порожденная своего рода «темпоральной провинциальностью», то есть нашим

⁵⁹ Darwin, *On the Origin of Species*, p. 617. Я думаю, что это цитата из статьи самого Уоллеса “On the Tendency of Varieties to Depart Indefinitely from the Same Type”. [В русском издании (Дарвин, 1991) эта фраза отсутствует.]

⁶⁰ См.: Shanahan, *The Evolution of Darwinism*, p. 22.

нежеланием заглянуть в прошлое дальше некоторого предела. Ведь если бы мы осмелились заглянуть дальше этой границы, то узнать кота нам было бы уже не так просто, а обрати мы свой взор в еще более далекое прошлое, кот стал бы для нас совершенно неузнаваемым. Как пишет Дарвин, «Мы ничего не замечаем в этих медленных переменах в развитии, пока рука времени не отметит истекших веков, да и тогда наше понимание геологического прошлого несовершенно: мы замечаем только, что современные формы жизни отличаются от когда-то существовавших». А потому мы замечаем изменения, но делаем вывод, что их причина в различии между двумя формами живых существ – скажем, человеком и обезьяной, – тогда как на самом деле реальность представляет собой непрерывный поток изменений, пусть даже чрезвычайно медленных. Это значит, что, к примеру, между человеком и обезьяной нет действительного различия, ибо изменение и есть истинно сущее (*ontos onta*), стабильность же и покой – не более чем искусственные мысленные конструкции. По словам Эрнста Майра, «согласно [установкам типологического мышления], существует ограниченное число неподвижных и неизменных форм, которые и лежат в основе наблюдаемого нами разнообразия; именно эти эйдосы и являются единственно устойчивым и реальным бытием... Для типологиста тип (эйдос) реален, а изменчивость иллюзорна, тогда как для популяциониста [дарвиниста] тип (среднее) – это абстракция и только изменчивость действительна. Невозможно вообразить чего-либо более несходного, чем эти два взгляда на природу»⁶¹. Однако с толкованием Майра соглашаются далеко не все. По мнению Амундсона, подобная интерпретация есть лишь результат того, что сам он называет синтетической историографией⁶². Представление, будто эссенциализм являлся додарвиновским способом мышления, которое оспорил, а впоследствии вытеснил дарвинизм, – это «несущая конструкция» синтетической теории эволюции⁶³. Но такое представление, утверждает Амундсон, совершенно ошибочно: «Эссенциализм и типология не использовались для обоснования принципа неизменности видов и не имели никакого отношения к первым систематическим попыткам классифицировать организмы и построить таким образом Систему Природы»⁶⁴. Амундсон продолжает:

Убеждение в неизменности биологических видов вовсе не является древним. Впервые оно широко распространилось как среди натуралистов, так и среди богословов лишь в XVIII веке, т. е. примерно за сто лет до Дарвина... А до того, как утвердилась идея неизменности видов, натуралисты, богословы и обычные люди держались самых несходных – и поразительных по своему разнообразию – воззрений трансмутационистского характера... Теория неизменности видов не есть также и древнее христианское учение.

⁶¹ Ernst Mayr, "The Typological versus Population Thinking", in *Evolution and the Diversity of Life: Selected Essays* (Cambridge: Harvard University Press, 1976), p. 27.

⁶² Ron Amundson, *The Changing Role of the Embryo in Evolutionary Thought: Roots of Evo-Devo* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005), p. 11.

⁶³ Amundson, *The Changing Role*, p. 13.

⁶⁴ Amundson, *The Changing Role*, p. 25.

Лишь немногие авторы обсуждают проблему трансмутационизма, предшествовавшего появлению этой теории. Однако многие из них сообщают, что Фома Аквинский, Августин и другие церковные авторитеты, например, св. Василий и Альберт Великий, решительно отвергали тезис о том, что Бог создал все виды в первые шесть дней»⁶⁵.

Вернемся к проблеме «изменение или постоянство». По словам Стивена Тулмина, любое научное объяснение исходит из представления о некотором идеальном, естественном порядке вещей. Например, согласно Аристотелю, естественным является состояние покоя, а не движения⁶⁶. По Ньютону, однако, именно движение следует считать естественным, или идеальным состоянием. Что касается Дарвина, то у него идеальным состоянием оказывается процесс изменения, тогда как стабильность, о которой свидетельствует способность видов сохраняться, сама по себе не есть нечто естественное. Как пишет Шанахан, «у Дарвина *explanandum* (то, что требует объяснения) меняется местами с *explanans* (тем, что служит объяснением)»⁶⁷. Для Дарвина «лента жизни» – если воспользоваться выражением Стивена Дж. Гулда, которое он заимствовал из фильма *It's a Wonderful Life*, – это процесс беспрестанного изменения. Замедлить же его пытаемся именно мы. Представим, в порядке аналогии, яблоко. Мы создаем понятие о нем, изолируя реальное яблоко от его истории и его будущего. Но стоит нам ускорить движение ленты, и мы увидим, как яблоко сгниет и превратится в пыль; значит, это и есть его истинное, естественное состояние. Мы склонны слишком серьезно относиться к «нашему времени», но ведь это не более чем мгновение перед тем, как яблоко неизбежно превратится в пыль – точно так же, как газета, возвещающая нам о драме современности, станет бумажной стружкой. Наши понятия – фрагменты, на которые нам свойственно делить мир, – представляют собой по большей части совокупность различных случаев «правдивой лжи» (если воспользоваться выражением Ницше): «правдивой» – потому что мы и вправду в них нуждаемся, «лжи» – поскольку они не имеют под собой онтологического основания. «Дарвинизм, – замечает Джон Дьюи, – есть попытка “поднять руку на святыню абсолютного постоянства”»⁶⁸.

⁶⁵ Amundson, *The Changing Role*, p. 35

⁶⁶ Stephen Toulmin, *Foresight and Understanding: An Enquiry into the Aims of Science* (New York: Harper and Row, 1961).

⁶⁷ Shanahan, *The Evolution of Darwinism*, p. 21. «В дарвиновском понятии вида – как группы особей, которые скрещиваются между собой и имеют общего предка, – то, что может быть принято за не требующую доказательств данность, меняется местами с тем, что нуждается в доказательстве. Дарвин всегда соглашался, что такое представление нельзя назвать слишком осмысленным, однако сохранил это самое выражение в заглавии знаменитейшей из своих книг. Теперь надлежало объяснять не то, почему популяции и виды изменяются, но почему они фактически продолжают существовать как нечто цельное и единое!» Depew and Webster, *Darwinism Evolving*, pp. 129-130. «Организм – это лишь процесс перехода, одна из стадий между тем, что было, и тем, что будет». Francois Jacob, *The Logic of Life: A History of Heredity*, trans. Betty Spillman (New York: Pantheon Books, 1973), p. 2.

⁶⁸ “The Influence of Darwin on Philosophy”, in *Darwin*, ed. Philip Appleman, Norton Critical Edition (New York: Norton, 1970), p. 393.

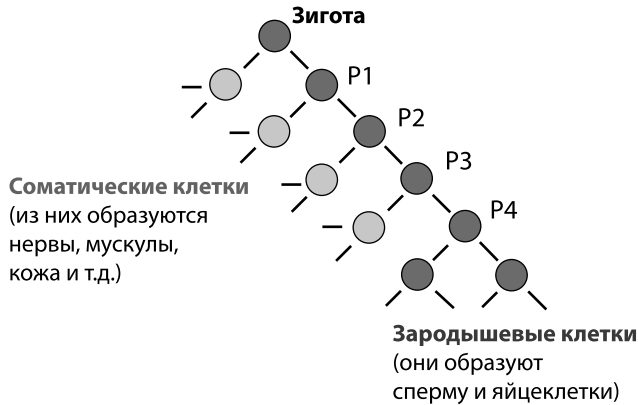

Рис. 3. Зародышевая линия. Следуя Августу Вейсману, неодарвинизм подразделяет клетки на соматические и на те, которые образуют зародышевую линию. Первые, как принято думать, не имеют отношения к наследственности, тогда как последние являются единственным ее источником. Данное деление именуемое «барьером Вейсмана», согласуется с Докинзовым дуализмом носителей и репликаторов – т. е. с идеей, лежащей в основе всей предложенной им трактовки эволюции. Однако, главным образом вследствие новых открытий в молекулярной биологии и в биологии развития, понятие «барьер Вейсмана» многими уже не принимается, во всяком случае его научное значение заметно уменьшилось.

Следовательно, мы должны понимать, что дарвинизм – это «теория изменений»⁶⁹. Важный вывод отсюда делает Гизелин: «Когда возникла человеческая жизнь? Никогда, ибо она есть часть непрерывного ряда поколений, восходящих к маленькому теплему пруду Дарвина»⁷⁰. И это, опять же, по той причине, что изменение реально, а постоянство – нет: «Для Дарвина реальностью было изменение. Именно оно представляло собой фундаментальный аспект действительности. ...Его нельзя ни как-либо затушевать, ни отбросить, проигнорировать как что-то поверхностное или несущественное. ...Для Дарвина, как и для Гераклита, изменение было глубочайшей основой сущего»⁷¹. И все же, как бы резко это ни звучало, данному утверждению явно недостает метафизического обоснования. Ведь изменение предполагает существование чего-то неизменного, пребывающего или зависит от того, что не изменяется.

⁶⁹ См.: Amundson, *The Changing Role*, p. 25.

⁷⁰ Michael T. Ghiselin, *Metaphysics and the Origin of Species* (Albany: State University of New York Press, 1997), p. 1.

⁷¹ Ghiselin, *Metaphysics*, p. 6.

Возможно, Уотсон прав. Возможно, всё, кроме физики (в том числе и биология) есть лишь социальная работа. А потому не стоит удивляться, если такой физик, как Макс Дельбрюк, обратившись к изучению биологии, испытал изумление: «Зрелого физика, впервые знакомящегося с проблемами биологии, ставит в тупик то обстоятельство, что в биологии нет “абсолютных явлений”. Все в ней определяется местом и временем. Любое животное, растение или микроорганизм, с которыми имеет дело биолог, – лишь одно из звеньев в эволюционной цепи изменяющихся форм, ни одна из которых не остается сколько-нибудь постоянной. Даже молекулярные виды и химические реакции, которые встречает он ныне, это просто сегодняшняя мода, которую продолжающаяся эволюция обязательно заменит чем-то другим... Любой биологический феномен в самой своей основе историчен, он есть нечто уникальное, соответствующее данному состоянию беспредельной целокупности всего живого»⁷².

Итак, в дарвиновской трактовке эволюции выделяются три ключевых элемента: изменчивость, размножение и наследственность. Под действием естественного отбора эта триада элементов и обеспечивает возможность эволюции – эволюции не особей, но видов, которые представляют собой всего лишь популяции, имеющие менее далекого общего предка, чем прочие группы. Здесь очень важно понимать, что изменчивость сама по себе не означает адаптацию. Происходящие в мире (или в популяции) изменения не отражают приспособления к среде. Напротив, вид адаптируется к окружающей среде лишь в том случае, когда (или если) носителю соответствующих изменений удастся оставить после себя потомство и тем самым, если можно так выразиться, пройти крещение огнем, в роли которого здесь выступает естественный отбор. Именно это и создает у нас впечатление существования целесообразности в природе или же реализации в ней некоего замысла, хотя все подобного рода представления относятся к прошлому, к уже случившемуся, то есть возникают задним числом. Возьмем такой пример: кто-то, выиграв в лотерею, считает себя настоящим счастливецом – упуская, однако, из виду, что «понять» это он мог лишь ретроспективно. А значит, сама возможность для победителя в лотерею воображать себя кем-то особенным основывается на том простом и грубом факте, что пять миллионов других людей ничего не выиграли. Сходным образом (по крайней мере, с точки зрения логики), те, кто побеждает у Дарвина в мальтузианской борьбе за существование, добиваются успеха лишь задним числом и лишь за счет тех, кто проигрывает – иначе говоря, и здесь в основе всего лежат гибель и утрата. Впрочем, утверждая подобное, мы должны иметь в виду следующее замечание Гизелина: «Борьба – это не главный элемент естественного отбора, а лишь характеристика условий, в которых естественный отбор фактически происходит. Термин “естественный отбор” обозначает не борьбу, но сохранение благоприятствуемых пород как результат этой борьбы...

⁷² Max Delbruck, “A Physicist Looks at Biology”, in *Phage and the Origin of Molecular Biology*, ed. John Cairns, Gunther S. Stent, and James D. Watson (Cold Spring Harbor, N. Y.: Cold Spring Harbor Laboratory of Quantitative Biology, 1966), pp. 9-10.

Естественный отбор – это дифференциальное воспроизведение вместе с его причинами, и не более»⁷³.

Дарвиновский мир можно также уподобить состязанию в плавании. Участвуют в нем десять пловцов, из коих пятеро финишировавших первыми завоевывают себе право иметь партнеров и, таким образом, произвести на свет потомство. К следующему заплыву допускаются только эти пятеро, после чего два победителя получают еще более широкие права на размножение. Каждый раз эти победители производят на свет детей, которые, по всей вероятности, наследуют способность плавать быстрее, чем те, кто проиграл их родителям. Данный пример позволяет нам уяснить два важных момента. Во-первых, все подобного рода преимущества, увеличивающие приспособленность (т. е. повышающие способность размножаться), всегда относительны. Победитель здесь – не тот, кто умеет плавать «быстро», а тот, кто плавает «быстрее»; соответственно, о проигравшем не следует говорить, что он плавает «медленно», но лишь что он плыл «медленнее». Момент второй. Представим, что судья поменял стиль плавания, и теперь это не кроль, а баттерфляй – или, скажем, что плыть приходится зимой. В результате побеждают те, кто способен лучше переносить холод или плавать стилем баттерфляй. Наконец, последнее сравнение. Вспомним 1970-е годы, когда в Британии появились китайские рестораны, и вообразим, что на одной улице сразу три человека открывают дело. Владельцы этих ресторанов прямо между собой конкурируют, ведь каждый потенциальный посетитель может отдать предпочтение любому из них. Все трое понимают: чтобы не вылететь из бизнеса, им следует достичь определенного оборота. Желая привлечь клиентов, они придумывают что-то новое, предлагают дополнительные услуги и т.д. Из простых «забегаловок» со скудным набором блюд сомнительного качества эти учреждения общепита с годами постепенно превращаются в значительно более солидные и гастрономически привлекательные заведения. К сожалению, одно из них, в конце концов, закрывается, поскольку его хозяин слишком упорно противится любым изменениям; остаются, таким образом, двое, которые и делят между собой рынок. Но конкуренция между ними не прекратится никогда, ибо у этой гонки просто не может быть конца. В самом деле, вкусы окрестных жителей могут измениться и стать более вегетарианскими, или, скажем, клиентам захочется натуральной пищи – и тогда обоим рестораторам также придется либо стать другими, либо прогореть, или, во всяком случае, серьезно проиграть в плане «экономической приспособленности». И мы понимаем, что задача адаптации будет стоять перед ними всегда, ведь, как говорится, чтобы нажать состояние, нужны три поколения, а промотать его можно и за одно. Данное сравнение указывает нам на внутреннее родство между теорией Дарвина и капитализмом.

Это подводит нас к последнему пункту: в пятом издании «Происхождения видов» (опубликованном в 1869 г.) Дарвин ввел термин «выживание наиболее при-

⁷³ Michael Ghiselin, *The Triumph of the Darwinian Method* (Chicago: University of Chicago Press, 1984), p. 74.

способленных», заимствовав его у Герберта Спенсера, впервые использовавшего этот оборот в своей книге 1864 года «Принципы биологии» (справедливости ради отметим, что самому Спенсеру выражение это пришло в голову лишь после того, как он прочел Дарвина). Итак, Спенсер сообщает нам: «Выживание наиболее приспособленных, которое я попытался здесь описать в механических терминах, есть то, что м-р Дарвин называет “естественным отбором”, или сохранением благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». Однако – и теперь это должно быть для нас вполне очевидным – Дарвин в действительности имел в виду выживание не «наиболее», но «более» приспособленных, ибо борьба за существование всецело относительна, а не абсолютна, и она никогда не прекращается. В самом деле, нынешние победители (речь здесь идет о видах) на более позднем этапе могут превратиться в побежденных – скажем, по причине изменения условий жизни; отсюда – феномен вымирания. Еще одним следствием принятия Дарвином Спенсера термина явилось обвинение в том, что его, Дарвина, собственная теория не выходит за пределы логического круга или же представляет собой тавтологию (типа «все холостяки неженаты»). Ибо на первый взгляд может показаться, что тезис «выживают наиболее приспособленные» есть всего лишь тривиальная истина, поскольку как раз выжившие и получают наименование «наиболее приспособленных». Так что же, перед нами – простая тавтология? Весьма характерно, что так считал философ Карл Поппер – во всяком случае поначалу, когда его обвинение в адрес Дарвина вызвало целый ряд возражений и он передумал и взял назад свою критику. Итак, почему Дарвинова идея выживания наиболее приспособленных может быть истолкована как что-то большее, чем тавтология? А потому, что Дарвин не начинает с уровня, так сказать, «спортивной площадки». Если бы он так поступил, то в результате действительно получилась бы чистой воды тавтология. Дарвин же аксиоматически утверждает существование вариаций. Остается определить, какие из них в большей степени, чем прочие, повышают эволюционную приспособленность – причем в продолжение многих поколений и в условиях полной контингентности. Ведь нам не известно заранее, какие требования будут предъявлены к организму средой, иначе говоря, какую именно форму примет давление естественного отбора – жара или холод, дожди или засуха, бескормица или изобилие, кроль или бабочка? Однако проблема тавтологии снова и снова всплывает едва за свое дело принимаются с великим, но бесплодным усердием те, кого именуют ультрадарвинистами.

В завершение кратко обрисую ряд вопросов, к которым нам нужно будет обратиться в дальнейшем. Общепринятая позиция, как нам теперь известно, толкует о расколдовании. Она основывается на том, что мы больше не являемся центром Вселенной (гелиоцентрическая система стала теперь господствующей)⁷⁴, на том, что мир воспринимается ныне механистически и, наконец, на том, что мы имеем общих

⁷⁴ Между прочим, Аристарх Самосский уже в V в. до н. э. предлагал свой вариант гелиоцентрической системы. [У автора, по-видимому, опечатка, ибо годы жизни Аристарха Самосского ок. 310 – ок. 230 до н. э.]

предков не только с обезьянами, но и со всеми живыми существами. Но что же в этом дурного? Каков источник отрицательного отношения к этим выводам? Феодосий Добжанский, один из крупнейших в XX веке теоретиков эволюции, справедливо ставит подобную интерпретацию под вопрос: «Стало общим местом утверждение, будто открытие Дарвином биологической эволюции завершило процесс отчуждения человека, его низведения с прежней высоты, начатый Коперником и Галилеем. Более ошибочное суждение мне даже трудно вообразить»⁷⁵. С этим соглашается и Г.К. Честертон, когда (отвечая Герберту Спенсеру) упоминает «жалкое мнение, согласно которому благоговейный страх перед величиной [ныне пустой] Солнечной системы должен разрушить в нас представление о человеке как о существе духовном? Но почему человек должен поступиться своим достоинством перед Вселенной, а не, скажем, перед китом? Если величина доказывает, что человек – не образ Божий, кит будет образом Божиим... Как это глупо – твердить, что человек мал по сравнению с космосом, ведь он всегда будет мал даже по сравнению с ближайшим деревом»⁷⁶. Весьма вероятно, что альтернативная – отрицательная – интерпретация как коперниковской революции, так и дарвинизма сама есть плод всепроникающего «креационизма». Под креационизмом мы разумеем здесь воззрение, согласно которому материя враждебна духу. Но можно ли считать такой взгляд христианским? Нет. В действительности это, скорее, симптом культурного и даже богословского гностицизма. Как пишет Кюль, «гностицизм есть духовная установка, отвергающая творение – в том смысле, что сущность человека она отождествляет не с тварным миром, но с самой природой божественного. И, как я полагаю, многие современные “христиане” находят идею “общей родословной” неприемлемой и предосудительной вовсе не потому, что их позиция будто бы соответствует подлинно библейскому, католическому и ортодоксальному пониманию христианства, а по той причине, что в сердцах и умах многих людей возродился “христианский гностицизм”»⁷⁷.

⁷⁵ Theodosius Dobzhansky, *The Biology of Ultimate Concern* (New York: New American Library, 1967), p. 7. Так же мыслит и Саймон Конвей Моррис: «Вопреки распространенному мнению, учение об эволюции несколько нас не принижает». Conway Morris, *Life's Solution: Inevitable Humans in a Lonely Universe* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003), p. xv. С этим согласен и Роберт Уэссон: «Наше происхождение не доказывает ничтожества человеческого рода. Предположение, что мы являемся случайным продуктом равнодушной Вселенной, как считает механистическая философия, или жалкой машиной выживания генов, кажется менее правдоподобным, чем тезис о том, что богатство природы и разнообразие достижений человека демонстрируют ошибочность такого рода философии». Wesson, *Beyond Natural Selection* (Cambridge: MIT Press, 1995), p. 305.

⁷⁶ G.K. Chesterton, *Orthodoxy* (London: Fontana, 1961), p. 38. [В переводе Н.Л. Трауберг данный отрывок выглядит несколько иначе: «...презренное учение, будто величина Солнечной системы должна подавлять духовные силы человека. Но почему человек должен поступиться своим достоинством перед Вселенной, а не, скажем, перед китом? Если величина доказывает, что человек – не образ Божий, кит будет образом Божиим... Глупо отрицать, что человек мал перед космосом – он мал по сравнению с любым деревом» (Г.К. Честертон, *Вечный человек*, М.: Изд-во политической литературы, 1991, с. 400).]

⁷⁷ S.C. Kuhl, “Darwin’s Dangerous Idea and St. Paul’s God, Humanity, Responsibility, Meaning in the Light of Evolutionary Findings”, in *Creation and Evolution: Proceedings of the 11st Workshop, October, 1997*, ed. R. Brungs and M. Postiglione (St. Louis: ITEST Faith/Princeton: Princeton University Press, 2001), p. 64.

Резкое неприятие идеи общего происхождения больше говорит о нашей собственной онтологической гордыне, чем о дарвинизме. Что же нас не устраивает в этой идее? Почему нам так хочется стать ангелами? В книге Бытия Бог спросил: «Кто сказал тебе, что ты наг?» (3:11); возможно, это означало «кто сказал тебе, что ты *только* материален?», или даже (что важнее): «...что материя есть нечто *простое?*» Джейн Беннет справедливо указывает на проблему, порождаемую столь негативной интерпретацией материальности: «Проблема бессмысленности возникает лишь в том случае, если “материя” воспринимается как нечто инертное, а в науке господствует материализм, физические принципы которого являются в основе своей ньютоновскими... [Но ведь] материя – это жизнь, это эластичность, это непредсказуемость или неподатливость, которая сама по себе служит для нас источником изумления»⁷⁸. Физика Дельбрюка, цитированного выше в связи с видимым отсутствием у биологии собственных твердых концептов, поражает то, что кажется ему похожим на «магию»: отчего «та самая материя, которая в физике и химии обнаруживает упорядоченные, воспроизводимые и относительно простые свойства, будучи вовлеченной в орбиту живого организма, тотчас же образует совершенно поразительные структуры? Чем пристальнее вглядываемся мы в действия материи в области живых организмов, тем более впечатляющая картина открывается перед нами... каждая живая клетка несет в себе опыт миллиардов лет экспериментирования, в котором участвовали ее предки»⁷⁹. К тому же, отвергая мысль о едином происхождении с миром живого, мы почему-то не возмущаемся иного рода общим наследием – в виде углерода и других химических веществ, без которых жизнь не могла бы возникнуть⁸⁰. Так может, слушая речи о мнимом расколдовании, вызванном научной революцией и в особенности трудами Дарвина, нам следует держать в уме подобную перспективу и постоянно задавать себе вопрос: что конкретно – согласно воззрениям этих первосвященников рока – означал бы иной, отличный от нынешнего порядок вещей?

В следующей главе мы рассмотрим дебаты о так называемых единицах отбора. Иными словами, допустив (по крайней мере, в этой главе) всепроникающее действие естественного отбора, мы зададимся вопросом: каковы элементарные единицы этого отбора, или же: что именно служит здесь для природы объектом действия – организм, вид или ген? Кому-то может показаться, что это сухой и скучный предмет, который лучше было бы оставить тем, кто решил посвятить себя изучению биологии. Но увы: люди вроде Докинза также подключаются к этой дискуссии в надежде обосновать свое нигилистическое отношение к миру. Для нас же теперь важно выяснить, каким образом здесь вновь поднимает голову упомянутый выше гностицизм.

⁷⁸ Jane Bennett, *The Enchantment of Modern Life: Attachments, Crossings, and Ethics* (Princeton: Princeton University Press, 2001), p. 64.

⁷⁹ Delbruck, “Physicist Looks at Biology”, pp. 10-11.

⁸⁰ См.: Jozef Zycinsky, *God and Evolution: Fundamental Questions of Christian Evolutionism*, trans. K. Kemp and Z. Maslanka (Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 2006), p. 206. [См. также: Юзеф Жичинский, *Бог и творение. Очерк теории эволюции*, М.: ББИ, 2014.]